

Наталья
Солнцева

Смертельный псевдоним

Артефакт – детектив. Всеслав и Ева

Наталья Солнцева

Смертельный псевдоним

«Издательство АСТ»

2007, 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Смертельный псевдоним / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ», 2007,2020 — (Артефакт – детектив. Всеслав и Ева)

ISBN 978-5-17-119138-2

Молодой актер театра «Неоглобус» Кристофер Марло утверждает, что он тайный агент королевы Елизаветы и современник самого Шекспира! Верить ему или нет? Особенно после того, как он рассказывает Еве о своей скорой смерти и берет с нее клятву – после его гибели прийти в глухой московский переулок, где призрак Кристофера назовет имя убийцы. Конечно, Ева не верит в жуткие фантазии актера. Но вскоре тот погибает. Страшное предвидение сбывается! Что же делать?! Ведь Ева дала слово! Спустя три дня она приходит в назначенное место на встречу с призраком. После чего бесследно исчезает... Что скрывается за мистическими событиями? Эту загадку предстоит разгадать Всеславу Смирнову, частному детективу и верному спутнику Евы... Книга ранее выходила под названием «Шарада Шекспира».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119138-2

© Солнцева Н. А., 2007,2020
© Издательство АСТ, 2007,2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Солнцева

Смертельный псевдоним

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Тени притворяются теми, кто их отбросил.

Анна Ахматова.

Проза из записных книжек

Глава 1

Весна пришла в Подмоскowie только по календарю. Природа о ней еще не знала. Снега лежали, не тронутые таянием. Но в воздухе уже чувствовалось неуловимое дыхание марта.

Электричка неслась в ночи, грохот колес эхом прокатывался по заснеженным чашам. Полустанки одинокими огнями пролетали мимо.

Молодая женщина с красивым, но простоватым лицом, в шубе из чернобурки и модной шляпке, сидела у окна. Ее ноги, обтянутые высокими мягкими голенищами сапог, были заложены одна на другую. Руки в черных перчатках из дорогой кожи сжимали сумочку. Вагон плохо отапливался, и женщина замерзла.

Пассажиров было мало, в основном пожилые дамы и мужчины подозрительного вида – в черных куртках, надвинутых на лоб спортивных шапках. Женщина старалась на них не смотреть. Она уставилась в темный квадрат окна, за которым пролетали подмосковные леса и дачные поселки. В вагон из тамбура затягивало сигаретный дым. Показалась станция. Поезд начал сбавлять ход, и люди двинулись к дверям.

Женщина вышла последней. По одну сторону платформ чернела сплошная стена леса, по другую виднелись окна маленького вокзала. Кружился мелкий снежок. Женщина скользила на высоких каблуках, переходя по лестнице к автобусной остановке. Не стоило ей так задерживаться. Такси здесь не поймает; автобус придет бог знает когда. Теперь придется звонить мужу, просить встретить.

– Здравствуй, Рая! – окликнула ее полная, рыхлая, с красными от холода щеками бабка. – Ты откуда так поздно?

Это была соседка. Она, видимо, приехала той же электричкой, только в другом вагоне.

– У родителей засиделась, – ответила женщина в шубке, потирая уши. – Мороз кусается!

– Твой-то приедет за тобой? – в надежде добраться до дома на машине спросила соседка.

– Звонить надо. Если не спит пьяный, то приедет. Подвезем вас!

Раиса достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер супруга. Раз, другой... Никакого ответа. Ее ноги в сапогах из тонкой кожи ооченели.

– Ты звони, звони, – огорчилась соседка. – Может, проснется Колька! Гляди, как студено. Автобус придет ли, нет ли... По расписанию-то ему уж пора. Небось поломался опять.

– А последний когда? – теряя надежду дозвониться мужу, тоскливо спросила Раиса.

– В одиннадцать. Да он не всегда приходит.

Раиса еще несколько раз звонила, но Колька не отвечал. «Напился, наверное, в стельку! – с досадой подумала молодая женщина. – Теперь его из пушки не разбудишь!»

Стоять становилось все холоднее.

– Идемте пешком, баба Маня, – предложила Раиса, забросив сумочку на плечо и пряча руки в карманы шубки. – Вдруг, кто знакомый ехать будет, подберет. А?

Идти одной по пустынной дороге не хотелось.

Соседка плотнее закуталась в теплый платок.

– Не смогу я, – вздохнула она. – Задыхаюсь, суставы болят. Ревматизм замучил.

– Ну, я пойду! – решила Раиса. – Замерзла сильно, особенно в ноги. Вы, баба Маня, в валенках с калошами, а я в модельных сапожках.

Она повернулась, помахала соседке рукой и зашагала по укатанной дороге в сторону поселка. Огромные сосны и ели роняли снежную пыль с величественных ветвей. Низом стелилась легкая поземка. Идти было веселее, чем стоять, если бы не странная сердечная тоска. Навевали ее черное небо, угрюмый, однообразный шум ветра, одинокие фонари...

Раисе показалось вдруг, что идет она по этой дороге в последний раз. В последний раз видит эти черные ели, эти сосны, эти летящие в воздухе снежинки. Позади, на станции, раз-

дался стук колес следующей электрички. Молодая женщина оглянулась. Поезд, мелькая желтыми окнами, подошел к платформе. Краем глаза Раиса успела заметить скользнувшую между деревьев тень. Кто-то еще решил не дожидаться последнего автобуса, а идти пешком.

Раиса прибавила шаг, насколько позволяли каблуки ее сапог. От охватившего ее горячей волной страха она перестала чувствовать холод. Часто оглядываясь, она старалась держаться середины дороги. Как назло, ни одной машины по пути не попало. Мрачная стена деревьев по бокам, казалось, отрезала женщину от всего мира...

Дойдя до поворота, она заколебалась. Если добираться напрямик, по вытоптанной в снегу между деревьев тропинке, она окажется дома минут через двадцать. Если продолжать шагать по дороге, то еще о-го-го, сколько! Зато дорога кое-как освещена, а в лесополосе тьма кромешная.

Раиса подняла воротник шубки и на ходу оглянулась. Поблизости никого не было, даже бродячие собаки разбежались по теплым углам, спать. «Мне показалось, что кто-то идет следом, – подумала она, сворачивая на тропинку. – Глупые страхи. Телевизор надо меньше смотреть!»

На узкой тропинке особо не разгонишься, и молодая женщина поневоле шла медленнее, глядя под ноги. Сбоку между деревьев что-то треснуло, захрустел снег... Раиса оцепенела от ужаса, но повернуть голову не посмела. Она почти наткнулась на выросшую будто из-под земли черную фигуру. Крикнуть не успела... молнией сверкнуло лезвие, и по шее полоснуло горячим, потекло по груди... темнота сгустилась, стало нечем дышать. Раиса захрипела, ее тело осело на снег, опрокинулось навзничь...

Черная фигура наклонилась над ней, схватила за ноги и потащила в сторону от тропинки. В гуще деревьев убийца начал остервенело срывать с мертвой женщины одежду...

* * *

Весна – время обновления! Души, природы... и женского гардероба.

Ева примеряла у зеркала новый шелковый наряд.

– Ну как? – обернулась она к Смирнову. – Нравится?

– Очень! – ответил он, не отрываясь от газеты.

– Да ведь ты даже не смотришь! – возмутилась Ева.

Дорогой натуральный шелк красиво облегал ее полное тело, подчеркивая все округлости и складки. Здесь присутствовали, переливаясь, разные оттенки зеленого – от изумруда и бирюзы до цвета незрелых яблок и листьев салата.

Смирнов поднял голову от газеты.

– По-моему, слишком обтягивает, – сказал он. – Ты не находишь? Можно было бы надеть что-то попросторнее.

– Ка-а-ак?! – задохнулась Ева. – Предлагаешь мне облачиться в бесформенный балахон?

– Нет, но...

Еву понесло:

– Тебе, значит, моя фигура не подходит? Я толстая, да?! Ну и плевать! У меня новый имидж, между прочим. Ты забыл? Я создаю образ дамы семнадцатого века. В старину мужчины умели ценить женскую красоту, не то что сейчас. Рубенс обливался бы горячими слезами, глядя на этих плоских, тощих моделей, от которых современные кавалеры приходят в телячий восторг!

– Я вовсе не то имел в виду, – неуклюже оправдывался Смирнов.

– Дай сюда! – сердито сказала Ева, протягивая руку за газетой. – Что ты там нашел?

Вверху страницы красовался жирный заголовок: «Сенсация недели! Женский бог – на скамье подсудимых? Знаменитый пластический хирург убивает свою любовницу! Скандальные подробности роковой страсти!»

Ева опешила.

– Он что, в самом деле убил свою любовницу?

– Не знаю. Возможно.

Всеслав Смирнов занимался частным сыском, а Ева Рязанцева иногда помогала ему раскрывать запутанные дела. По профессии она была учительницей испанского языка, а по складу ума – тончайшим психологом. Ее интуиция граничила с ясновидением, умело выстраивая цепочки ассоциаций, которые приводили к разгадке нетрадиционным путем.

Всеслав и сам любил поломать голову, берясь за исключительно сложные, необычные дела, в которых мог быть задействован его интеллект. Работа ума доставляла ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Его кумиром был Ниро Вульф, созданный воображением писателя Стаута, – сей детектив раскрывал преступления, не выходя из дома. К сожалению, пока Смирнов не мог похвастаться тем же, но всеми силами стремился достичь подобного совершенства.

– На Вульфа работал Арчи Гудвин, – изредка повторял Всеслав. – Он выполнял все черновые поручения. А я – один в двух лицах!

– Зато у тебя есть я! – утешала сыщика Ева. – В безвыходной ситуации я всегда прихожу на помощь.

Скромность была ей незнакома. А открыто высказывать мысли Ева считала одним из своих новых главных достоинств.

– Разумеется, дорогая, – соглашался Смирнов. – Если бы не ты...

В этом была изрядная доля правды.

– Ничего себе! – воскликнула Ева, погружаясь в чтение газетной статьи. – Какой кошмар! Вот так приди к врачу... и он тебя зарежет за твои же собственные деньги!

– Причем немалые.

Она уже забыла и о новом наряде, который обтягивал ее соблазнительные формы, и о художнике Рубенсе, изображавшем на своих полотнах чувственную роскошь пышных женских тел.

– Телефон звонит, – сказала она, направляясь в гостиную с газетой в руках. – Возьму трубку.

Приятный мужской голос попросил ее пригласить Смирнова.

– Так всегда, – пробормотала Ева. – Если звонит мужчина, ему почему-то нужен Смирнов! Если звонит женщина, то же самое. Тебя! – вздохнула она, подавая сыщику трубку. – Клиент, наверное.

– Вас Адамов беспокоит, – после отрывистого приветствия нервно произнес мужчина. – Лев Назарович. Ну, вы знаете!

– Простите, не имею чести, – возразил Всеслав.

– Вы что, газет не читаете? Телевизор не смотрите? Ах, да... мою фамилию открыто не указывают, опасаются судебных исков. А меня и так уже все узнали! Известность иногда превращается в проклятие!

– Вы тот самый...

– Угадали. Я тот самый хирург-душегуб, зверски лишивший жизни собственную возлюбленную. Что, не будете теперь со мной разговаривать?

– Отчего же? Виновным человека может назвать только суд.

– Не надо лицемерить, умоляю вас! – простонал Адамов. – На меня в этом городе разве что ленивый пальцем не показывает. Москва была и осталась огромной деревней, где сплетни разносятся с быстротою молнии.

– Чем могу быть полезен? – поинтересовался Смирнов.

– Вы ведь сыщик?

– В некотором роде.

– Ну, стало быть, вы мне и нужны! Телефон ваш я узнал от одной своей клиентки, она у меня дважды оперировалась... впрочем, не важно. Вы ей помогли выпутаться из крайне щекотливой ситуации, и она порекомендовала обратиться именно к вам.

– По какому поводу? Я не адвокат.

– Я никого не убивал! – сорвался на фальцет Адамов. – Но полиция устанавливать истину, конечно же, не собирается. Даже если меня не арестуют, то я до конца дней не смогу отмыться от этой грязи! Вы понимаете? Мое доброе имя, карьера, репутация, семья... все, все будет разрушено! Распутайте этот жуткий клубок... я ничего не пожалею. У меня есть деньги!

– Вы хотите нанять меня?

– Да-да... Да! Нанять... простите! Я хочу нанять вас для расследования убийства моей... сотрудницы. Бедная Лялочка! Возьметесь?

– Кто такая Лялочка? – спросил сыщик.

– Лейла Садыкова... медсестра, которую убили. Так вы беретесь?

– Пока не знаю. Давайте встретимся, поговорим.

– Хорошо. Можно было бы в столовой нашей клиники.

– Нет, – отказался Всеслав. – Лучше на нейтральной территории. У вас есть машина?

– Да.

– Подъезжайте через час к бильярдной «Золотой шар». Я вас буду ждать в баре.

Адамов коротко поблагодарил и положил трубку.

– Кто это был? – спросила Ева. – Голос заядлого сердцееда.

– Адамов... тот самый пластический хирург.

Ева поняла, что в театр ей сегодня придется идти одной. Может, оно и к лучшему.

– Ты уезжаешь? А театр?! – капризно надула она губки.

Это притворное недовольство не могло обмануть Смирнова. Он с детства терпеть не мог театр и все, с ним связанное, – необходимость сидеть несколько часов кряду без движения, уставившись на сцену и делая вид, что громкие крики актеров, их ужимки и нелепые жесты производят какое-то впечатление. К тому же уснуть и, не дай бог, захрапеть, значило выдержать потом, в антракте или по дороге домой, длинную нелицеприятную возмущенную тираду Евы.

Всеслав любил Еву, собирался на ней жениться, хотя они уже несколько лет жили в гражданском браке, поэтому долго не решался откровенно высказать свое отношение к театру. Он запасся терпением, но... Словом, Ева обо всем догадалась и перестала его мучить.

– Ладно, – сказала она. – Придется признать, что ты не театрал. Твой культурный уровень оставляет желать лучшего, Смирнов! Однако, силой загонять тебя на спектакли не только бесполезно, но и оскорбительно для актеров.

– Почему они так орут? – пытался обосновать свою позицию Всеслав. – А этот жуткий грим на их лицах напоминает боевую раскраску ирокезов!

Ева устала разубеждать его. Она смирилась. Иногда, редко, ей все же удавалось затащить Славку на какую-нибудь громкую премьеру, но его непрестанная зевота и едва скрываемая сонливость только портили ей праздничное настроение. Оживлялся сыщик в буфете и в гардеробе, предвкушая в первом случае развлечение от еды и шампанского, а во втором – скорую возможность вырваться на свободу из постылых стен.

В последнее время Ева увлеклась новшествами в театральном искусстве. Один из режиссеров-реформаторов организовал в подвальном помещении некое подобие настоящего «шекспировского» театра, со всеми атрибутами английской труппы конца шестнадцатого века. Начиная от грубо сколоченных подмостков, убогих декораций до тяжелых, многослойных костюмов на тесемках и шнурках и вычурно-нарочитой манеры игры. Некоторые костюмы, в отличие от

декораций, поражали чрезмерной роскошью. Этот театр Букчин, режиссер и директор в одном лице, назвал «Неоглобус», намекая опять-таки на Шекспира.

Трудно сказать, почему экстравагантный Букчин решил, что именно так должны выглядеть помещение, костюмы, драматургия и игра актеров, но такова была его творческая интерпретация. Театр завоевал популярность в нешироких кругах, и это положение дел вполне удовлетворяло амбиции Букчина. Иметь свой собственный, маленький скандальный мирок, где можно царить безраздельно, – вот к чему стремился режиссер еще со студенческой скамьи.

Именно в этот театр и собиралась сегодня вечером Ева. Именно для театральной премьеры под названием «Прекрасная злодейка» приобретался шелковый зеленый наряд.

После звонка хирурга Адамова стало ясно, что смотреть спектакль Еве придется одной.

Глава 2

В Москву пришли оттепели, грязь и хмурое небо. Ночью снег покрывался ледяной коркой, лужи замерзали, городские огни блестели сквозь морозную дымку. Днем на улицах стоял сырой, промозглый туман.

В баре бильярдной «Золотой шар» существовали часы затишья, когда посетителей почти не было. Один-два человека, которые заказывали себе кофе или небольшие порции спиртного, не в счет. В такие часы разрешалось курить.

Бармен, лениво позевывая, принес Всеславу сигару и пепельницу.

На стенах бара висели картины: «Игроки в карты», «Игроки в бильярд» и «Любители аперитива». Смирнов знал каждую их деталь. Клиенты иногда опаздывали, и ему приходилось ждать их, развлекаясь курением и созерцанием сих живописных шедевров. Лампы в стеклянных плафонах под старину горели тускло. За окнами в молочной мути едва угадывались деревья.

«Как в Лондоне», – почему-то подумал сыщик и посмотрел на дверь.

Через минуту в бар вошел высокий, представительный мужчина. Но вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти лет. Лицо млажаовое, фигура подтянутая, зато волосы сильно тронутые сединой, с наметившийся лысиной. Он окинул помещение цепким орлиным взором и сразу направился к Смирнову.

– Адамов, – полупшепотом представился он, наклоня красивую, породистую голову. – А вы...

– Тот, кто вам нужен, – усмехнулся сыщик, деля плавный жест рукой. – Присаживайтесь. Курите?

– Пожалуй... Бросал два раза, неудачно.

Адамов подозвал бармена, велел принести сигареты и зеленый чай. Тот удивленно поднял брови, но переспрашивать не стал. Молча удалился, вернулся с пачкой «Данхилла», чаем в специальной китайской чашке с крышкой.

– У нас с вами времени – полтора часа, – сказал Смирнов доктору. – Успеете изложить суть дела?

– Попробую. – Адамов поднял на собеседника большие и темные, какие-то цыганские глаза. – С чего начинать?

– С самого неприятного.

– Я отменил все плановые операции на две недели, – вздохнул хирург. – Сегодня утром я ездил в клинику, написал заявление... решил взять отпуск за свой счет. Персонал от меня шарахается как от чумного. И вообще, хочется бросить все, уехать куда-нибудь в Прибалтику, на Янтарный берег и слушать, как шумят прибой и сосны.

– Так в чем проблема?

– В подписке о невыезде. Как вы думаете, меня посадят? – Он попытался раскурить сигарету, пару раз затянулся, ткнул ее в пепельницу, смял. – Черт!

– Я пока ничего не услышал от вас по поводу убийства, – напомнил Всеслав.

– Да, конечно... – Адамов взял новую сигарету, шелкнул зажигалкой. Над столиком поплыл ароматный дымок. – Моя жизнь летит в тартарары... – прошептал он, глядя на молочно-белый туман за окном. – Все просто валится в пропасть! А ведь я считал себя счастливчиком. Мне везло! Выбрал профессию по душе, попал в классную клинику, женился на девушке, за которой бегал весь курс, пошел в гору. И вдруг... Наверное, неудачники не так переживают поражения, они к ним привыкают. Мой жизненный путь складывался слишком гладко, легко. Интеллигентные, любящие родители; две бабушки, обожающие единственного внука; школа, которую я окончил с золотой медалью; поступление в мединститут, годы

учебы... Я был бессменным старостой группы, основателем студенческого хирургического кружка. Потом сделал научную карьеру, защитил кандидатскую по пластике, докторскую. И все получалось! У нас с женой родилась дочь, именно тогда, когда мы это запланировали: не раньше и не позже. Появились средства, и мы смогли приобрести собственную квартиру. Словом, чего еще желать?

Он замолчал, глядя мимо сыщика, нервно затягиваясь.

– И все-таки...

– Да-да, я знаю, – дернулся Адамов. – Сейчас... Я перейду к главному. Моя жена умерла. Это случилось восемь лет назад. Она... впрочем, неважно. Какое отношение ее смерть имеет к сегодняшним событиям? Я жил один, горевал. Потом женился второй раз, на Кристине, моей ассистентке. Она тоже хирург. Но после вступления в брак я настоял, чтобы она бросила работу. Негоже в клинике разводить семейственность, все эти шуры-муры. Вероятно, я был не прав, но Кристина меня послушалась.

– Ваша жена не работает?

Адамов отрицательно покачал головой.

– Она домохозяйка, если можно так выразиться.

– А сколько лет вашей дочери?

– Асеньке? Четырнадцать. Сложный возраст! Во втором браке у меня детей нет. Не хочу, знаете ли! Хлебнул с Асей: у нее была хроническая пневмония, потом астма в тяжелой форме, еле-еле мы с Леной выходили девочку. Оба врача, а ребенка чуть не потеряли. У Аси весьма слабое здоровье. Я устал жить в страхе! Лечить своих – хуже не придумаешь. Это, пожалуй, являлось единственным осложнением в моей судьбе... до смерти жены. Я решил, что детей больше не будет.

– Лена – ваша первая супруга?

Адамов кивнул.

– Она была педиатром. После ее... после того, как она умерла, вокруг меня начали происходить странные вещи. Как будто исчезло нечто основное, опора какая-то! В сплошном и надежном монолите потихоньку начали появляться трещинки, едва заметные, которые разрастались и расползались, исподволь разрушая фундамент, стены...

– Какие стены? – удивился Смирнов.

– Ну, это я так, образно. Что-то изменилось в худшую сторону. Маленькие, будто бы случайные неприятности, мелкие неудачи, чем дальше, тем больше.

– А конкретно?

Адамов смял в пепельнице очередную сигарету, потянулся за новой.

– Да так прямо не скажешь, вроде бы все как всегда. Слухи разные начали ходить, сплетни... клиенты иногда бывают недовольны. На меня в этом году поступило несколько жалоб, тогда как за все предыдущее время не было ни одной, только благодарности.

– Жалобы обоснованные? – уточнил Всеслав.

Доктор закурил, выпустил облачко дыма.

– У каждого хирурга – свое кладбище, – угрюмо произнес он. – Пластическая хирургия, слава богу, не столь экстремальна, но всякое бывает. Кто-то недоволен, у кого-то операция спровоцировала непредвиденную реакцию организма, люди есть люди.

Сыщик решил сменить тему.

– Какие отношения у вас были с первой женой?

– Хорошие, – в глазах Адамова мелькнуло смятение. – Лена иногда ревновала меня к другим женщинам, но скандалов не устраивала. Дулась, могла не разговаривать день или два, потом мы мирились.

– А вы давали повод для ревности?

Хирург усмехнулся.

– Женщины обращают на меня внимание, – сказал он. – Особенно благодарные пациентки. Я не ангел и не святой, бывает, допускаю легкий флирт. Но бабником себя не считаю, если вы это имеете в виду. А минутная слабость, внезапный любовный порыв... такое случается с каждым мужчиной. Разве нет?

Смирнов уклончиво развел руками.

– Ваша вторая жена тоже ревнива?

– Кристина? Возможно... хотя она тщательно скрывает это.

– Ясно. А Лейла Садыкова? Она стала жертвой вашей минутной слабости или любовного порыва?

Адамов поперхнулся дымом, закашлялся. Сделал глоток зеленого чая, который успел остыть. Видимо, собирался с мыслями.

– Она очень красивая девушка... была, – с усилием произнес он. – Тонкая, стройная, как кипарис, нежная, с густой длинной косой. Таких воспевал Омар Хайям в своих стихах. Если вы спросите, нравилась ли мне Лялечка, отвечу – да. Но, кроме большой взаимной симпатии, между нами ничего не было.

– В самом деле?

– Я знал, что мне никто не поверит, – вздохнул хирург. – Ни жена, ни коллеги, ни полиция, ни вы. Может быть, со стороны и казалось, будто бы я и Лейла любовники, а мы просто хорошо относились друг к другу.

– Насколько хорошо?

В бар зашли две молодые женщины и сразу заинтересовались Адамовым. Он выглядел шикарно – элегантный, с благородными чертами лица, с проседью, умудренный опытом мужчины, еще полный сил. Дамы оборачивались, расточали доктору сладчайшие улыбки.

– Видите? – опустив цыганские глаза, сказал хирург. – Я ведь ничего не предпринимаю, совсем ничего! Просто сижу, разговариваю.

– Вернемся к Садыковой, – безжалостно заявил сыщик. – Если вы не были любовниками, то... в будущем могли бы стать ими?

Адамов пожал плечами.

– Какая теперь разница? В любом случае, до этого не дошло. Будь Лейла моей любовницей, зачем же мне ее убивать?

– По тысяче причин! – развеселился Смирнов. – Она вам надоела. Она требовала от вас развода с женой, грозила все рассказать руководству клиники! Она настаивала на браке, а вы не собирались на ней жениться. Она забеременела от вас...

– Что за ерунда! – возмущенно перебил его Адамов. – Сейчас не тридцать седьмой год! Меня бы не расстреляли, не исключили из партии и не уволили за «моральное разложение». А если бы даже и так? Я себе работу всегда найду, вот с этими руками... – Хирург показал сыщику свои изящные сильные ладони, длинные пальцы. – Жены я не боюсь, а беременность... я оплатил бы аборт у лучшего специалиста. Пойти на убийство из-за такой чепухи? Нонсенс! Да и не было никакой беременности, экспертиза не показала.

– Кстати, а как именно была убита Садыкова?

Воцарилось продолжительное молчание.

– Ее зарезали... скальпелем. Мастерски, одним выверенным, точным ударом перерезали горло, а потом... вырезали сердце. Труп нашли в дежурке, поздней ночью. В луже крови! Без сердца. Ужас! В газетах об этом писать не стали, слишком страшно.

– А где были вы?

– Спал.

– У себя дома?

– В клинике, – хрипло сказал Адамов. – Я в ту ночь тоже... дежурил. Особо тяжелых больных у нас не бывает, поэтому я поужинал, выпил коньячку и уснул у себя в кабинете, на диване.

– Подтвердить ваше алиби некому?

– Какое это алиби?! – горько вздохнул хирург. – В кабинете я был один. Спал. В принципе, мог выйти, убить Садыкову... но зачем этот вандализм? Забрать сердце... кошмар какой-то!

* * *

Спектакль «Прекрасная злодейка» увлек Еву.

Помещение театра было маленьким, уютным, костюмы поражали роскошью – бархатом, кружевами и золотым шитьем, а игра актеров оказалась выше всяких похвал. На этом фоне впечатление от самой сцены и грубо выполненных декораций сглаживалось совершенно.

Старый как мир сюжет – власть, коварство и любовь – режиссеру удалось показать с неожиданной стороны. Красавица королева Мария Стюарт влюбляется и в середине лета 1565 года выходит замуж за своего сводного кузена лорда Генри Дарнли, но неблагодарный юноша не сумел оценить романтическую венценосную супругу. Он демонстрирует шотландскому двору жадность, трусливые повадки, глупость и неумную похотливость, волоочась не только за придворными дамами, но и не пропуская ни одной простолюдinки. Королева не простила ему такого унижения. К осени ее любовь прошла, а в голове созрел план избавления от нежеланного мужа. Следующей зимой в поместье Керк-О-Филд Дарнли нашел свою смерть.

Так гласит история, но как все происходило на самом деле?

В антракте Ева поглядывала на актера, играющего в спектакле незадачливого супруга Марии Шотландской. Молодой человек не стал уединяться в гримерной, а прогуливался по коридору, привлекая внимание зрительниц. В костюме английского аристократа шестнадцатого века, высокий, стройный, с горделивой осанкой, с нежным миловидным лицом, он был потрясающе хорош собой. Его мягкие шелковистые волосы спускались до плеч, оставляя открытым большой чистый лоб; темные выразительные глаза смотрели ясно, а легкие усики и бородка красиво оттеняли губы и линии лица.

«Интересно, это грим и парик? – подумала Ева. – Не похоже. Если я буду так откровенно глазеть на него, он, пожалуй, заметит».

Она сделала над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от прекрасного юноши, и направилась в буфет. Бокал холодного шампанского не помешал бы.

Усевшись за столик, Ева достала из сумочки программку и посмотрела фамилию актера: Кристофер Марло. Он что, иностранец? А говорит без всякого акцента. Странно... Она пробежалась глазами по другим фамилиям, – здесь были Элеонора Буль, Ингрэм Фрайзер, Роберт Поули, Николас Скирс, Томас Кид.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Ева, отпивая шампанское. – Что за чудеса!

– Разрешите?

Она подняла голову и ахнула – перед ней с чашкой дымящегося кофе стоял сам Генри Дарнли! Актеры тоже люди, они хотят посидеть в буфете, выпить что-нибудь. Ева так и застыла с открытым ртом, поэтому молодой человек переспросил:

– Вы позволите?

– Ах, да! Конечно! Присаживайтесь... – пробормотала она, краснея. – Честно говоря, я растерялась. Вы так великолепны в этом наряде, будто настоящий лорд! У меня просто дар речи пропал, когда вы подошли.

Театр «Неоглобус» был маленьким и мог вместить небольшое количество зрителей: маленькими здесь были и фойе, и гардероб, и помещения для актеров, и коридоры, и буфет.

– Единственное свободное место – за вашим столиком, – улыбнулся актер. – Так что приношу свои извинения, если помешал!

– Нет, что вы, – смутилась Ева.

Вблизи она заметила – волосы, усы и борода у «Генри Дарнли» не накладные, а свои собственные. Грима на его лице почти не было вопреки мнению Смирнова о «боевой раскраске ирокезов».

– Вы почти не накрашены, – выпалила Ева, продолжая удивляться происходящему. – Почему? В вашем театре гримироваться не принято?

– У нас камерный театр, – охотно пояснил молодой человек. – Все находится очень близко – сцена, зрители и актеры, почти смешиваясь, для достижения эффекта присутствия. Поэтому в ярком обильном гриме нет нужды.

– Вас зовут...

– Кристофер Марло! – опередил ее вопрос актер, приподнимаясь и слегка наклоняя голову.

– Вы иностранец? Фамилии других актеров тоже не русские.

– Открою вам секрет, – с видом заговорщика произнес он. – Знаете, чем наш театр отличается от остальных? У нас все по-настоящему – английская история, английская пьеса, и актеры тоже должны быть английскими, прямо из шестнадцатого века! Иначе неинтересно! Достоверность достигается разными приемами, и псевдонимы актеров – один из них.

– Тогда и зрители должны быть английскими! – включаясь в игру, засмеялась Ева. – Им при входе нужно выдавать английскую одежду.

– Это детали будущего проекта, – важно надул щеки ее собеседник. – Так же, как и язык. Без совершенного владения английским скоро в театр никого пускать не будут!

Глядя на ее вытянувшееся лицо, он не выдержал и фыркнул.

– Вы меня разыгрываете? – догадалась Ева.

– Самую малость. Если я раскрою вам все наши секреты, меня уволят. Безработный актер представляет собой жалкое зрелище, поверьте – и морально, и физически!

Он говорил полушутя-полусерьезно. Ева робко улыбалась. В буфете было шумно, пахло кофе, пирожными и женскими духами.

– Меня убьют в последнем акте этой вечной шотландской драмы! – с пафосом произнес молодой человек. – Так не хочется умирать в расцвете лет! Вам не жаль бедного Дарнли?

Ева растерянно хмыкнула. Она считала, что нахальный юнец получил по заслугам, и высказала свое мнение.

– Женская солидарность! – засмеялся актер. – Дамы беспощадны не только к мужчинам, но и друг к другу. Несчастный Дарнли чудом избежал смерти от взрыва, вы помните: новый любовник коварной Марии хотел взорвать апартаменты Керк-О-Филд, а когда узнал, что король уцелел, велел своим слугам задушить его! Разве не жестоко?

– Нечего было распутничать! – возразила Ева.

Актер наклонился к ней и понизил голос.

– В этой истории есть нечто странное, – прошептал он. – Зачем Марии было убивать Дарнли? Ей стоило немного подождать, и... смерть сама сделала бы свое дело. В начале января Генри серьезно заболел, по тем временам неизлечимо!

– Чем?

– Официальный диагноз – черная оспа! – зловеще прошипел актер. – Но будь это правдой, Мария, боясь заразиться, ни за что не поехала бы из Эдинбурга в Керк-О-Филд к больному супругу! Вы не представляете себе, каков тогда был страх перед этой жуткой болезнью, которая не только мучительно убивала, но и навсегда обезображивала тех, кто имел несчастье выжить. Молодая красавица королева не стала бы так рисковать! А ведь она не только прие-

хала в поместье, где лежал больной Дарнли, но и сидела у его постели, беседовала с ним... Возможно ли это?

– Выходит, супруг Марии был болен чем-то другим, – согласилась Ева с его доводами. – Но чем же?

– Смертельной формой сифилиса, как склонны были считать собравшиеся на консилиум придворные врачи. У Дарнли не было шанса выздороветь, а у Марии появилось веское основание прекратить с ним супружеские отношения и спокойно ждать развязки. Но нет! Бессмысленное убийство мужа – первый шаг королевы Шотландской по пути на эшафот. И она его делает! Разве не удивительно?

Ева задумалась. В таком толковании спектакль «Прекрасная злодейка» раскрывал совсем иную сторону событий далекого прошлого.

– Кто-то подстроил королеве ловушку, – заявила она, невольно подражая молодому человеку. – Поставил ее в безвыходное положение.

– Вот именно! Жизнь венценосных особ кишит ловушками и капканами. Впрочем, как и жизнь простых смертных.

Мелодичный сигнал возвестил, что зрителям пора возвращаться в зал, актерам – на сцену. Ева допила шампанское.

– Вы меня заинтриговали, – сказала она, глядя на собеседника. – Мы можем еще раз поговорить?

– С удовольствием, очаровательная незнакомка.

Он похвалил ее прическу и зеленый наряд. Ева вспомнила, как пренебрежительно отозвался о купленном ею платье Славка. «Неужели все повторяется?» – с ужасом подумала она. В памяти вихрем пронеслись сцены ее неудавшейся семейной жизни с Олегом Рязанцевым, бывшим мужем, его равнодушие, невнимание. И, напротив, жгучий интерес, восхищение, проявленные бывшим любовником; те эротические и чувственные фантазии, которыми он окружил ее. Покойный Денис Матвеев¹...

– Я почти забыла о нем, – прошептала Ева, усаживаясь на свое место в зрительном зале. – Этот молодой актер прав, жизнь сплошь состоит из ловушек, куда попадают доверчивые дурочки вроде меня!

Она не сразу сумела сосредоточиться на спектакле: в памяти один за другим всплывали эпизоды встреч с Денисом, его гибели, горькое разочарование в муже и любовнике, уход от Олега.

Заключительную часть представления она просидела с мыслью, что даже королевская кровь в жилах не гарантирует благополучия. Судьбы великих мира сего – печальное тому подтверждение. Вот и легендарная, поэтичная Мария Стюарт не сумела разглядеть за смазливой внешностью Генри Дарнли скверной и ничтожной натуры. Она не заметила искусно расставленных силков и потеряла не только честь, трон и королевство, но и голову.

Ева вышла из театра со смешанными ощущениями. Страх, волнение, разочарование и желание еще раз увидеть молодого актера Кристофера Марло – все это создало в ее душе взрывоопасную смесь.

Было темно, холодно и сыро. У выхода горели фонари. Шел снег с дождем. Женщины доставали зонтики, натягивали косынки и шарфы. Мужчины ловили такси. Молодежь бежала к метро. Ева увидела машину Славки, обрадовалась.

– Хорошо, что ты приехал за мной, – виновато опуская глаза, сказала она. – Мои весенние сапожки не приспособлены для такой погоды.

Они мило болтали по дороге домой.

– Ну, как спектакль? Понравился? – спросил Смирнов. – Не скучала без меня?

¹ См. роман Натальи Солнцевой «Венера и Демон».

– Нет, – с легким вызовом ответила Ева. – Ты знаешь, оказывается, Марию Стюарт на протяжении нескольких сотен лет обвиняют в том, чего она, возможно, не совершала!

– Да? Жаль, в те времена не существовало частного сыска! А я решил взяться за дело хирурга Адамова. Его немного смутила цена за мои услуги. Он думал, что только пластическая хирургия – дорогое удовольствие.

Всеслав рассмеялся, а Ева закрыла глаза. Дождь вдруг напомнил ей бывшего мужа. Вот такие же нескончаемые дожди лили в Мамонтовке, когда она ждала Олега с работы. Рязанцев придавал своей службе слишком большое значение.

Глава 3

– Ты не пойдешь в клинику? – удивленно спросила Кристина.

Она стояла в дверях кухни, сложив руки на груди. Адамов сидел за столом и пил.

– Я взял отпуск за свой счет, – пьяно глядя на нее черными цыганскими глазами, ответил он. – Н-не пойду... к черту все!

За эти горячие глаза она и полюбила знаменитого хирурга. Не верилось, что он из всех выделил ее, загорелся страстью... Их первая ночь любви состоялась в его кабинете, на неудобном, узком кожаном диване. Как давно это было! В другой жизни. Ей казалось, она не перенесет такого огромного, всепроникающего счастья, которое затопило ее, лишило сна и покоя.

– Меня вызывали к следователю, – сказала Кристина. – Спрашивали, отчего умерла Елена, твоя первая жена. Я сказала, что не знаю. Я правда не знаю! Если верить слухам...

– А ты не верь! – взорвался Адамов. – Нечего собирать сплетни! У тебя слишком много свободного времени? Тогда откажись от услуг домработницы! Сэкономить на новое платье. И вообще, подумай о своем будущем. Меня могут посадить. Сбережений вам с Асей хватит ненадолго. При твоём расточительстве...

– Ты же сам заставил меня уйти с работы! – возмущенно перебила его Кристина. – В крайнем случае вернусь в клинику. Я же хирург. Квалификацию, конечно, потеряла за эти годы, но я наверстаю. Не беспокойся!

– Прости...

Адамов вскочил и зашагал по кухне, благо места хватало. Он не должен срываться на жену и дочь, они ни в чем не виноваты.

– Лева, – дрогнувшим голосом сказала Кристина, – у тебя что-то было с этой девочкой?

– Го-о-осподи-и! – простонал он. – И ты туда же! Я ни перед кем не собираюсь оправдываться, ни перед кем! Какое кому дело? Я Лейлу не убивал! Кстати, к тебе, наверное, придет частный детектив, будет расспрашивать обо всем. Это я его нанял. Так что будь с ним любезна и... откровенна, по мере возможности.

– Ты обратился к сыщику?

– Да! Тебе не нравится? Прикажешь сидеть и ждать ареста? Пусть хоть кто-нибудь попытается непредвзято во всем разобраться.

Кристина подошла и села на стул в углу. Ее красивое, накрашенное лицо раздражало Адамова. Как она может часами торчать у зеркала, накладывать макияж? Она не любит его и никогда не любила. Ей просто хотелось выйти за него замуж, жить обеспеченно, хвастаться своим подружкам, какой у нее известный, преуспевающий супруг!

Лев Назарович в этом случае был несправедлив к Кристине. Четыре года тому назад она действительно влюбилась в него, безоглядно, безрассудно, как может влюбиться скромная, робкая ученица в признанного, исполненного великолепия мэтра. Она обожала его, молилась на него! В клинике все представительницы прекрасного пола – от врачей до уборщиц – тайно вздыхали по Адамову. В него влюблялись пациентки, знаменитые и не очень, дарили ему цветы и дорогие подарки, назначали встречи. Ему звонили, писали, о нем сплетничали. В своем кругу он был звездой – яркой и весьма, весьма привлекательной.

Кристина чувствовала себя серой мышкой рядом с ним. Ее поразила квартира Адамова – просторная, из пяти комнат, обставленная ореховой мебелью. В спальне, в шкафу, она нашла пару женских вещей. Женские безделушки попадались и в ящиках комода, и в тумбочках. Кристина знала, что Адамов был вдовцом и воспитывал дочь.

Отношения с Асей у мачехи складывались трудно, болезненно. Ася оказалась замкнутой, постоянно всем недовольной долговязой девицей с острыми коленками и локтями, с непо-

слушной копной пшеничных волос. Она часто кашляла и пропускала школу; Кристина настояла, чтобы в такие периоды учителя ходили на дом.

Первый год совместной жизни с Адамовым многому научил Кристину. Она поняла, что никогда не сможет заменить Асе ее покойную мать, и что у них слевой совместных детей не будет. Он поставил вопрос жестко: или соглашайся на мои условия, или уходи. Она осталась. Поплакала в подушку, не ночами – упаси бог! – днем, когда Ася уходила в гимназию, а Лев Назарович уезжал в клинику. И успокоилась. Ей ведь так повезло – заполучила самого Адамова в мужа, и нечего слезы лить да судьбу гневить!

Хозяйство Адамовых вела домработница Анфиса Карповна, пожилая дама строгих правил, немногословная и основательная. Ася слушалась ее беспрекословно, тогда как на слова мачехи не обращала ни малейшего внимания. И домработница, и падчерица считали Кристину чем-то чуждым их дому, привычному укладу и даже Льву Назаровичу. «Временщица» – так про себя называла новую хозяйку Анфиса Карповна, недовольно поджимала губы, выслушивая пожелания или замечания Кристины, ворчала шепотом. Куда этой свиристелке до Елены Павловны, упокой, Господи, ее душу!

На столике в комнате Аси стояла фотография ее матери в темной рамке, больше портретов Елены в доме не было. Кристина с любопытством рассматривала красивое, властное лицо первой жены Адамова – жгучие глаза под нервными бровями вразлет, капризный изгиб губ. Черные брови и ресницы при светлых волосах создавали странное сочетание. Кристине казалось, что на лице Елены лежит печать смерти.

– Отчего умерла твоя жена? – Этот вопрос вертелся у нее на языке с того мгновения, как она впервые переступила порог его квартиры в качестве законной супруги.

В клинике ходили разные слухи. Елену никто толком не знал, Адамов начал здесь работать уже после ее смерти. Говорили, что она была крайне неуравновешенной, страдала сердечными припадками. Некоторые намекали на рак – якобы Адамов скрыл от жены диагноз, убедившись в том, что болезнь зашла слишком далеко, и позволил ей умереть своей смертью. Операции, химиотерапия и прочие отчаянные приемы только продлили бы бесполезные мучения.

Сам Адамов обходил эту тему стороной, как будто не было у него в жизни ни жены Елены, ни ее смерти, ни похорон. Оно и понятно. Кому приятно вспоминать трагический уход близких?

Семейная идиллия, о которой мечтала Кристина, на деле выглядела гораздо более прозаически. Адамов потребовал, чтобы жена оставила работу; она не посмела ослушаться. Асе необходим был уход, и Кристина из подающего надежды хирурга превратилась в няню, сиделку и домохозяйку. Да, в ее распоряжении была определенная сумма денег; Лева ни в чем старался не отказывать; на людях он вел себя по-рыцарски, в супружеской постели оставался страстным, но... любовная романтика из их отношений ушла так быстро, что Кристина растерялась. Она стремительно прошла путь вниз – от захватывающего дух счастья до повседневной рутины и взаимного раздражения.

Адамовы никуда не ходили – ни в театры, ни в рестораны, ни в гости к друзьям. Блистательный хирург оказался домоседом. Он настолько выкладывался на работе, что ни на что другое его просто не хватало. Он уставал от суеты, от расхлябанности персонала, от скрытой зависти коллег, от назойливости пациентов, от необходимости «держат марку» и хотел расслабиться, отдохнуть, побыть самим собой: немного брюзгливым, предпочитающим поваляться в кровати с книжкой, вкусно поесть и выпить, сидя у телевизора.

Редкие прогулки – вот все, что он мог себе позволить. Если у него появлялось больше свободного времени, Лев Назарович посвящал его повышению своего профессионального уровня, изучал новинки медицинской литературы по профилю, охотно перенимал чужой опыт, осва-

ивал передовые методы. Он несколько раз побывал на практике за границей, используя для этого свой отпуск.

Надежды Кристины посетить с мужем Париж, Лондон и Канарские острова таяли как дым. Раз в год, летом, Адамов заявлял, что Асе необходим морской воздух, и покупал им с Кристиной путевку на двоих в ялтинский санаторий для легочных больных.

– Заодно и ты отдохнешь, развеешься, – небрежно говорил он жене, целуя ее в щеку. – Денег не жалейте! Если не хватит, я еще пришлю.

Он отвозил их в аэропорт и долго махал рукой, глядя, как они идут на регистрацию. Каждую неделю Кристина должна была звонить из Ялты домой и докладывать о состоянии здоровья Аси.

– Развлекайтесь, девочки мои! – весело восклицал Адамов.

У нее готовы были сорваться с языка слова упрека, что и она тоже хочет развлечься, прогуляться по ночной Ялте, потанцевать, наконец, в хорошем клубе, получить свою порцию мужского внимания. Разве она не заслужила? Сладкий морской воздух так возбуждает!

Конечно, эти слова не произносились вслух. Кристина хоронила их в себе, как похоронила свои радужные ожидания. Она водила Асю на процедуры, гуляла с ней по унылым аллеям парка, вяло жевала пресную диетическую санаторную пищу, осознавая, что и ее жизнь – сплошная диета. А казалось, она садится за вечно праздничный стол. Как обманчивы бывают мечты!

Возвращение в Москву было всегда одинаковым – теплые объятия Адамова, поцелуи, цветы Кристине и мягкая игрушка Асе, поездка на машине домой, в опостылевшую до зубной боли квартиру. В лучшем случае, там их ждал приготовленный Анфисой Карповной обед: борщ, котлеты с картошкой, овощной салат и красное вино, полезное для здоровья.

– Я скучал, девочки! – говорил Лева, разливая вино. – Асенька, выпей немного для аппетита. Почему ты так плохо загорела? Вы не ходили на пляж? В Ялте шли дожди?

Кристина с трудом сдерживала слезы. Ей хотелось совсем, совсем другого!

– Я знаю, отчего умерла твоя первая жена, – за одним из таких обедов сказала она Адамову. – Она зачахла от тоски!

Лев Назарович вздрогнул, побледнел до синевы.

– Ася, иди в свою комнату, – дрогнувшим голосом приказал он дочери. – А ты... никогда не смей больше упоминать об этом! Слышишь?!

В его глазах появился опасный, бешеный огонь. Кристина вскочила и убежала к себе. Адамов молча собрался, уехал на работу. Две недели они спали в разных комнатах. Постепенно неприятный инцидент сгладился, забылся. И все пошло своим чередом.

* * *

– Понимаешь, в этом деле хирурга, якобы убившего свою любовницу, слишком уж все нарочито! – сказал Всеслав за завтраком.

Ева мечтательно помешивала ложечкой сахар в чашке с чаем. Она вспоминала усики и бородку на юном лице Кристофера Марло. Актерские псевдонимы в английском духе – как необычно!

– Ты меня не слушаешь? – удивился Смирнов.

Ева всегда принимала горячее участие в его расследованиях, и вдруг – полное равнодушие. Сигнал тревоги прозвучал в его сердце.

– А? – спохватилась она. – Прости, я задумалась. Вчерашний спектакль... Жалко, что ты не пошел. Удивительная вещь!

– Я был занят.

– Да-да... – рассеянно кивнула Ева. – Конечно.

Смирнов так отчетливо, ярко увидел призрак Дениса Матвеева, что бутерброд с ветчиной выпал у него из рук. Ева и бровью не повела.

«У нее появился интерес к другому», – подумал сыщик. Ему не хотелось добавлять слово – *мужчине*. Мужчины тут ни при чем – просто Ева увлеклась театром шекспировских времен. С нее станется уйти с головой в перипетии далеких веков и совершенно оторваться от реалий сегодняшнего дня! Она такая... легковозбудимая.

Эта мысль совсем не понравилась Славке. Надо было ему не отпускать ее одну! Она почувствовала недостаток внимания с его стороны, и вот – потянулась к чужому огоньку. Женщинам всегда не хватает тепла.

– Ева, – сказал он. – В следующий раз я пойду с тобой. Давно не видел хорошей постановки!

– Ладно, – кивнула она. – Так что ты говорил об Адамове?

Она спросила из вежливости. Было видно, что мысли ее витают далеко не только от убийства в клинике, но и вообще от Москвы. Возможно, они блуждают по туманным закоулкам старого Лондона...

– Я всю ночь ломал себе голову, – соврал Смирнов. – Почему все так явно, грубо указывает на Адамова? Допустим, у него была связь с медсестрой Садыковой, ну и что? Зачем ему убивать молодую, красивую любовницу? Да еще прямо в клинике, во время своего и ее дежурства? Да еще с особой жестокостью? Да еще хирургическим скальпелем?! Адамов не похож на маньяка или идиота. Это уравновешенный, рассудительный человек, не подверженный импульсивным порывам, скорее излишне хладнокровный. Задумай он убийство, на него бы не упало и тени подозрения. Он сумел бы обдумать каждую мелочь, правильно обставиться со всех сторон и обеспечить себе надежное алиби. А что мы видим? Совершенно обратную картину. Доктор будто бы нарочно делает так, чтобы навлечь на себя обвинение в убийстве!

– Может быть, он хочет наказать себя? – пробормотала Ева, выказывая слабые признаки интереса.

– Наказать? За что?

– Ну, не знаю. Ты уверен, что Лейла Садыкова – его первая жертва?

Сыщик задумался. Действительно! Он давно не изучал полицейские сводки.

– Иногда убийца специально обращает на себя внимание, он хочет, чтобы его наконец поймали, остановили. Потому что сам он остановиться уже не может, – продолжала Ева. – Твой хирург – самый настоящий Джек-потрошитель! Он не зря выбрал себе профессию – резать человеческие тела. Только делать это на операционном столе ему надоело, вот он и решил порезвиться. Зачем далеко ходить, если в клинике все под руками? И ничего не подозревающие жертвы, и необходимые подручные средства, то бишь скальпели, ножи, пилы и что там еще есть в арсенале современной хирургии. А главное – резать можно без наркоза!

Ева разошлась. Она рисовала одну картину кровавых ужасов за другой. У Всеслава вытянулось лицо и отвисла челюсть.

– Кстати, – вставил он, едва дождавшись паузы. – У мертвой девушки вырезали сердце.

– Вот! – торжествующе воскликнула Ева. – А я что говорю?! Джек-потрошитель вернулся! Ему наскучило бродить в Долине Теней, тем паче что лишиться там жизни хоть кого-нибудь практически невозможно. Тогда как в материальном мире потенциальных жертв навалом.

Смирнов хмыкнул.

– Ведь злодея так и не поймали, – пробормотал он. И спохватился: – Что ты болтаешь, дорогая? Я почти поддался на твою уловку. С того света не возвращаются.

– Ты уверен?

Сыщик сделал слишком большой глоток чая, поперхнулся. Откашлявшись, он смахнул выступившие слезы. Иногда слова Евы ставили его в тупик. Он понимал, что за ними кроется

ее внутренний мир – немного расплывчатый, глубокий и загадочный, как и ее душа. Джек-потрошитель! Она слишком погрузилась в лондонские туманы...

– Расскажи мне о театре «Неоглобус», – неожиданно попросил Славка. – Туда действительно стоит пойти?

– Если тебя интересует старая Англия, Шекспир, лабиринты Тауэра, интриги среди придворных и членов королевской семьи, пожалуй, пойдешь. История – самый захватывающий детектив, который ждет своего Шерлока Холмса или хотя бы мисс Марпл. – Она засмеялась. – Я не о себе. Для этого персонажа мой возраст пока, слава богу, не подходит!

– А как актерская труппа?

– Довольно приличная. Они стараются создать обстановку, максимально приближенную к быту и нравам шестнадцатого века, проникнутую духом того времени. Даже в программке указаны не настоящие имена артистов, а английские псевдонимы. Весьма оригинально! И гримом они пользуются очень аккуратно. А костюмы... глаз не отведешь. Я бы сама примерила платье королевы Марии!

Ева восхищенно вздохнула.

– Когда у них следующий спектакль? – спросил Смирнов. – Признаться, ты возбудила мое любопытство.

– Через неделю. «Прекрасную злодейку» я уже посмотрела, так что теперь буду ждать «Ошибку лорда Уолсингема».

Сыщик промолчал. Он не знал, кто такой лорд Уолсингем, а спрашивать у Евы не хотелось.

– Мне пора идти, – с сожалением сказал он, вставая из-за стола. – До обеда должен успеть поговорить с коллегами доктора Адамова. Пожелай мне удачи!

Ева легко коснулась губами его гладко выбритой щеки. Что-то в ее ласке насторожило Смирнова – еле заметный холодок, проскользнувшее отчуждение.

Он крепко обнял ее, прижал к себе.

– Ну, что с тобой?

– Ничего, – пробормотала она, отстраняясь. – Я просто не выспалась. Много думала.

– О чем?

– О нас с тобой... об Олеге. Ты уверен, что призраки не возвращаются?

Всеслав понял, что она имеет в виду не столько бывшего мужа, сколько Дениса Матвеева.

Он взял ее за плечи, повернул к себе лицом, решительно сказал:

– Олег Рязанцев не призрак. Он жив, и, надеюсь, здоров. Хочешь на него взглянуть?

– Нет! – испугалась Ева. – Нет... Я так старалась забыть о нем! Почему у меня не получается?

– Наверное, между вами все еще что-то стоит... недосказанное, неоконченное.

Ева протестующе тряхнула головой. Их с Олегом ничего не связывает.

– Я вырвала его из своей жизни, из своего сердца, – прошептала она. – Вырвала навсегда!

– Может быть, не с корнями? – предположил Смирнов. – Корни прорастают так глубоко, они проникают повсюду... Мы думаем, что освободились, а старые корни продолжают тянуть наши жизненные соки. Ты помнишь Матвеева?

– Этот уж точно призрак...

Еве вдруг захотелось поплакать – по-бабьи, не сдерживаясь, навзрыд. Уткнуться в подушку и выть, как белуга, на всю квартиру, на весь честной мир! Вылить со слезами оставшуюся горечь-обиду. На кого? На Рязанцева, на бывшего любовника, на себя саму? Эти вопросы традиционно оставались без ответа.

– Ладно, иди, – пробормотала она, пряча от Славки покрасневшие глаза. – Мне пора собираться на занятия.

Ева лукавила. Сегодня у нее был выходной, который она намеревалась посвятить себе – сходить в парикмахерскую, побродить по магазинам в поисках обновки, посидеть в кондитерской. Она давно не ела свежих, с пылу с жару, пирожных, пирожков и булочек, не пила кофе по-венски.

Проводив Смирнова, она загрустила. Рыдания отступили до следующего раза, но куда-либо идти уже расхотелось. В парикмахерскую еще успеется, а тряпок у нее и так полно, шкаф трещит. От пирожных поправляются, да и кофе прекрасно можно сварить дома.

Ева подперла рукой щеку и уставилась в окно. На фоне облачного неба летали галки. Под крышей таяли сосульки, капли с них стучали по подоконнику. Кап-кап... кап...

Телефон прозвонил несколько раз, прежде чем Ева обратила на него внимание. Она лениво встала, пошла за трубкой. Разговаривать не хотелось – ни с кем.

– Алло...

На том конце никто не отозвался.

– Алло, я слушаю, – повторила она. Странная тревога кольнула сердце. – Алло!

Тишина была ей ответом. Но тишина не простая, когда на линии нет соединения или барахлит телефон. Эта тишина в трубке дышала скрытой угрозой.

– Алло... алло... я вас не слышу! Перезвоните...

Ева бросила трубку. Ее сердце учащенно забилось, ладони вспотели. Она подошла к окну и взглянула вниз, во двор. Снег потемнел, осел. Деревья зябко качали голыми ветвями. Дети разбивали лопатками лед, которым за ночь покрывалась лужа у подъезда. Бабулька с первого этажа бросала голубям размокший хлеб. Голодная тощая кошка жадно хватала самые большие куски. Голуби разлетались, потом снова слетались... Обычная картина ранней московской весны, когда дневные оттепели сменяются ночным морозом, а из серо-синих облаков сыплется то колкая крупа, то мокрый снег. Отчего же в груди у Евы заныло, проснулась давняя, застарелая боль, замешанная на страхе?

Что это? Весенний психоз? Модная нынче депрессия? Капризы избалованной дамочки? Издержки праздности? Тому, кто с утра до вечера в трудах, не до душевных переживаний!

Телефон зазвонил вновь, и внутри у Евы все похолодело. Она долго не решалась ответить. Кто-то оказался целеустремленным и настойчивым, звонки не прекращались. Ева взяла трубку.

– Алло!

Зловещая тишина дышала ей в ухо...

Глава 4

Доктор Адамов любезно предоставил для бесед сыщика с сотрудниками клиники свой кабинет. Он дал Смирнову ключ, позвонил главному врачу и обо всем договорился.

– Вам не будут чинить препятствий, – сказал хирург. – Только умоляю, ведите себя корректно. С этими людьми я работаю, и надеюсь, буду продолжать работать и дальше!

– Постараюсь, – пообещал Всеслав.

Клиника пластической хирургии поразила его современным стилем и дороговизной интерьера, мягкой мебелью, расставленными повсюду живыми цветами, телевизорами и безукоризненной вежливостью персонала. Врачи, медсестры и даже санитарки улыбались, источая вежливость и заботу о пациентах. Их немного сбilo с этой волны жуткое убийство, но престиж клиники брал верх над эмоциями. Учитывая цены за услуги, предоставляемые здесь, потеря хотя бы одного потенциального клиента была невыгодна.

Перед тем, как занять кабинет доктора Адамова, сыщик решил зайти к главному врачу. «Семенов Игорь Брониславович», – прежде, чем открыть дверь, прочитал он на табличке.

Руководитель клиники оказался представительным мужчиной внушительных размеров, с полными щеками и заплывшим жиром подбородком. Он явно игнорировал всяческие диеты, от души наслаждался жизнью и находился в прекрасном расположении духа.

Игорь Брониславович выказал заинтересованность в скорейшем расследовании убийства Лейлы Садыковой.

– Это для нас скандал! – взмахивал он пухлыми руками. – ЧП ужаснейшее! Мы, как можем, скрываем от пациентов жуткие подробности, но шила в мешке не утаишь. Вы же понимаете, чем это нам грозит! Вчера вечером одна дама закатила истерику, звонила мужу, требовала немедленно забрать ее домой. Якобы она не чувствует себя здесь в безопасности. Честно говоря, я даже не стал ей возражать. Сотрудники клиники тоже крайне настороженны, особенно женщины. Да что там! Они просто боятся! Напуганы до смерти!

– Но ведь полиция ищет убийцу, – сказал Всеслав.

– Ой! – аж подпрыгнул в своем светлом кожаном кресле главврач. – Они ищут! Приехали, наделали переполох, запугали людей, забрали труп и уехали. Двое, правда, остались, до утра всех расспрашивали, но толку мало. Подозревать можно кого угодно! Чего они прицепились к Льву Назаровичу? Такое убийство вполне под силу любому медику, в том числе и женщине. У нас работают несколько женщин-хирургов. Впрочем, я, наверное, забегаю вперед. Вы лучше спрашивайте, а я буду отвечать.

Смирнов кивнул.

– Когда и кем был обнаружен труп?

– Тело около часа ночи нашла санитарка тетя Поля. У нее бессонница, и она охотно остается на ночные смены, часто подменяет других. Мы же доплачиваем за работу в ночное время, вот она и пользуется. Ну и на здоровье. Большинство людей по ночам предпочитают спать, поэтому иногда возникают проблемы, – Игорь Брониславович вздохнул. – Это вам не нужно! Не буду отклоняться. Итак, тетя Поля вошла в дежурку, комнату, где находится дежурная медсестра, увидела труп, кровищу кругом и обмерла, то есть в обморок упала. Говорит, через пару минут оклемалась, но кричать не посмела – у нас с дисциплиной строго. Беспокоить пациентов без нужды, особенно ночью, категорически запрещается. И она побежала в кабинет к Адамову, знала, что он там.

– А почему Лев Назарович дежурил именно в ту ночь? У вас существует какой-то график?

– Вообще-то да... – замаялся главврач. – Но в тот раз хирург Адамов остался на дежурство по своей инициативе. Такое допускается. Он в тот день оперировал одну пожилую даму, ну

и беспокоился о ней – у пациентки оказалось слабое сердце, поэтому решил ночевать в клинике. Мало ли что? Лев Назарович – очень ответственный человек. Мы, конечно, стараемся снизить риск послеоперационных осложнений, отказываем, если существуют противопоказания. Но женщины бывают фанатично настойчивы, идут на все, дают любые подписки, лишь бы прооперироваться. В конце концов, каждый сам вправе распоряжаться своим телом!

– Значит, доктор Адамов остался в ту ночь в клинике из-за пациентки?

Семенов повел плечами, и его второй подбородок всколыхнулся.

– Думаю, что да. Он так поступал и раньше в подобных случаях.

– А какие отношения были у Адамова с Лейлой Садыковой?

– Девочка была в него влюблена, – нехотя признался главврач. – Сей факт скрывать бессмысленно, ибо он всем известен. Это не предосудительно, я надеюсь? Чувства запретить нельзя! Адамов пользовался успехом у женщин. Что поделать, если он привлекает прекрасный пол? За ним и наши докторши не прочь приударить, и пациентки! Не надевать же ему чадру?

Игорь Брониславович захихикал, и складка под его подбородком мелко затряслась.

– То есть сам Лев Назарович ответных чувств к Садыковой не испытывал?

– Откуда мне знать? В чужую душу не влезешь. Лейла была потрясающе хороша, настоящая восточная красавица, а какая у нее родинка на щеке! Ее все мужчины взглядами провожали. Может, Лев Назарович и не устоял. Но точно не скажу, не располагаю доказательствами. Наши кумушки шепчутся по углам, что Адамов, мол, не случайно в ту ночь остался, а потому, что Садыкова дежурила. Вот и следователь за это уцепился.

– А вы как считаете? – спросил сыщик.

– Молодой человек, вас интересуют факты или мнения? – слегка рассердился главврач.

– И то, и другое. На голых фактах далеко не уедешь.

– Я их в постели не видел, никаких вольностей интимного характера за ними не замечал, – еще более сердито произнес Семенов. – А домыслы – не мой стиль! Я не теоретик, я практик: и в медицине, и в жизни. Если вы настаиваете... допустим, Лейла и Адамов переспали, и не один раз: были любовниками. Ну и что? Зачем Льву Назаровичу зверски убивать девочку? Вырезать сердце! Вы представляете, как выглядела эта картина? Даже для меня, выдавшему виды хирургу, было не очень приятно. Бедная тетя Поля, ее пришлось потом откачивать, отпаивать лекарствами. Кошмар!

Всеслав примирительно улыбнулся.

– Хорошо, оставим в покое личные взаимоотношения. Кто, по-вашему, мог убить Садыкову?

Игорь Брониславович смешался.

– Только не сотрудники! – умоляюще глядя на сыщика, воскликнул он. – Не могу поверить, что среди нас находится такой монстр! Просто мясник! И куда он дел сердце?

– Съел! – пошутил Смирнов. – Есть некий сатанинский ритуал...

– Хватит! Довольно! – замахал полными руками Семенов. – Замолчите! Вы в своем уме? У меня в клинике сатанисты?! Людоеды?! Боже мой... – Он схватился за сердце. – Вы меня прикончить хотите. Дайте воды...

Пока главный врач пил воду и приходил в себя, сыщик осмотрелся. Кабинет Семенова был обставлен с большим вкусом, строго и дорого – красное дерево, греческие вазы, пара хороших картин на стенах. Судя по всему, клиника процветает, и нынешнее вопиющее происшествие может лишить ее учредителей изрядной прибыли. Уж им-то это убийство явно невыгодно.

– Игорь Брониславович, – сказал Всеслав, когда хозяин кабинета отдышался, и его лицо приобрело нормальный цвет. – Могут ли посторонние попасть в клинику и каким образом?

– Да самым обычным! У нас ведь не секретный объект, не тюрьма. В принципе, любой может пройти под видом пациента или посетителя, а потом где-нибудь спрятаться, дожидаться удобного времени и...

– Как убийца мог узнать, что в эту ночь дежурит именно Садыкова? – перебил Смирнов.

– Спросить, лично или по телефону. Представиться родственником, знакомым. Сотня способов! Мы не делаем тайны ни из распорядка дня, ни из графика дежурств и приема врачей. Нам привозят продукты, медикаменты! У нас десятки подсобных помещений и укромных уголков, которые никто не проверяет без особой надобности. До сих пор никому в голову не приходило чего-либо опасаться! Ведь в клинике всегда полно людей, и днем, и ночью. У нас есть сигнализация, вахтер при входе и дежурная медсестра, есть работники регистратуры, но они не в силах уследить за каждым, кто входит и выходит. Это не является их обязанностью.

– Если убийца – посторонний, то как он попал в клинику, приблизительно ясно. А каким образом он вышел?

– Мог выбраться через окно или черный ход, мог переодеться в медицинский халат и сделать вид, что выносит мусор, например.

– Ночью? – удивился сыщик. – Вахтера расспрашивали?

– Он клянется, что мимо него никто не проходил. Будь я злоумышленником, тоже не пошел бы через центральный вход. А за черным ходом наблюдение не устанавливалось. И есть еще окна. Куда хочу, туда гуляю. У нас ведь не ювелирный магазин, не склад ценностей, строгий режим вроде как ни к чему был! Теперь, разумеется, система безопасности будет пересмотрена.

– Значит, вы утверждаете, что Садыкову убил некто посторонний? – уточнил Смирнов.

– Как я могу утверждать? – возмутился главврач. – Я предполагаю. Надеюсь, что среди нашего персонала убийцы нет. Это была бы катастрофа! Запятнанную репутацию восстановить подчас невозможно.

– К сожалению, вы правы. Кто видел Садыкову последним?

Семенов приложил руку к сердцу.

– Получается, что Адамов. Он предложил девушке поужинать вместе, она согласилась. Это было примерно около десяти вечера. Потом, судя со слов Льва Назаровича, Лейла ушла в дежурку, наводить там порядок, а он уснул у себя в кабинете. Велел ей разбудить его, если что. Пульт сигнализации из палат, где лежат пациенты, находится в комнате дежурной медсестры. Сразу оговорюсь, что ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию некому. Садыкова умерла примерно между двенадцатью и часом, точнее сказать трудно. После ужина с Адамовым ее никто не видел. Вот и все.

* * *

Ева решила прогуляться. Безотчетная тревога гнала ее из дому, на улицу, к людям, в шумную толкотню транспорта, магазинов. Для покупок не было настроения, но скопление людей успокаивало ее. Озабоченные лица, торопливые движения, быстрый шаг прохожих – все говорило о том, что жизнь идет как обычно и ничего в ней не меняется.

Уроки испанского, которые Ева давала своим клиентам, отвлекали ее на пару часов, после чего она снова погружалась в зыбкие волны страха. Откуда пришло это беспокойство? Чем оно вызвано? Ева не знала.

Ноги сами понесли ее к зданию театра «Неоглобус». Сегодня спектакля не было. На козырьке входа висели сосульки, с них капало.

– Что вы здесь делаете?

Вопрос застал Еву врасплох. Он вздрогнула, оглянулась. Рядом с ней стоял молодой актер Кристофер Марло.

– Слушаю капель, – сказала она первое, пришедшее на ум. – А вы? Сегодня ведь театр закрыт.

– Для зрителей, – улыбнулся актер. – У нас скоро репетиция, но я пришел немного раньше. И судьба меня наградила, я встретил вас! Помните нашу беседу в буфете?

– Да.

– Хотите пройти? Здесь недалеко уютная кондитерская. Поболтаем!

Его губы, опущенные нежными усиками, так красиво двигались, что Ева невольно засмотрелась.

– Я давно не ела горячих пирожков, – сказала она. – В вашей кондитерской есть пирожки?

– С повидлом, с ягодами, с творогом, с маком... что ваша душа пожелает?

– Идемте!

Ева поскользнулась, и молодой человек взял ее за локоть. Она ощущала тепло его руки через рукав полупальто.

В кондитерской, несмотря на дневное время, ярко горели светильники. В маленьком зале с деревянным потолком стояли несколько столиков. Стулья были очень удобные, с мягкими сиденьями, на окнах висели плюшевые шторы.

– Чай, кофе? – с улыбкой спросил актер.

– Будем придерживаться английских традиций, – улыбнулась в ответ Ева. – Чай!

– А пирожки я выберу на свой вкус.

– Согласна.

Официантка в кружевном переднике принесла им заказ на мельхиоровом блюде – маленькие еще теплые пирожки, две чашки из прозрачного фарфора, сахарницу и заварной чайник с чаем.

В углу кондитерской стояли громадные антикварные часы с боем. Их низкий, медный звук заставил Еву оглянуться.

– Вы не опоздаете на репетицию? – поинтересовалась она у своего визави.

– Нет, – покачал он головой, и поправил хорошо промытые, блестящие волосы, обрамляющие благородный овал его лица. – Я всегда прихожу раньше всех. Люблю пустое здание театра... в нем живут тени прошлого: короли, фаворитки, придворные дамы и любовники, авантюристы, заговорщики и палачи. Призрачный мир, который продолжает волновать нас. Как вы думаете, почему?

– Наверное, существует связь времен.

– Вы попали в точку! – усмехнулся актер. – С первого раза. Могу я спросить, как вас зовут?

– Ева. А вас? Только не говорите, что Кристофер Марло! Я имею в виду ваше настоящее имя.

Молодой человек неопределенно повел рукой в воздухе.

– Смотря что называть настоящим, – задумчиво сказал он. – Вы полагаете, вот эти столы и стулья, пирожки, чай, наша с вами беседа – настоящие? А как же королева Мария? Принц Гамлет? Ромео и Джульетта? Они тоже настоящие?

– Они давно умерли.

– А мне иногда кажется, что они гораздо более живые, чем некоторые люди, которых мы видим на улицах, – вздохнул актер.

Ева откусила пирожок и принялась жевать, обдумывая сказанное.

– Все-таки как мне прикажете вас называть? – спросила она, не придя ни к какому выводу.

– Чем вам не по вкусу Кристофер? По-моему, милое имя, довольно благозвучное.

Ева рассмеялась. Молодой человек оказался не только галантным, красивым, но и забавным.

– Хорошо, Кристофер. Тогда я буду обращаться к вам проще, Крис, например.

– Как будет угодно, – дурашливо поклонился он. – Вы напрасно иронизируете, госпожа Ева! Хотите, я покажу вам одно место, ужасно таинственное? Как раз недалеко от нашего театра. Москва – удивительный, мистический город, точка соприкосновения времен.

Они доели пирожки в полном молчании. Ева тщательно скрывала свой нарастающий интерес к актеру, а он изображал беззаботного гуляку.

После уютного тепла кондитерской, пропитанного крепкими запахами корицы и шоколада, погода на улице показалась мрачной. По небу низко шли тучи, ветер гнал их к реке, по которой плыла ледяная крошка. Ева подняла воротник полупальто, натянула перчатки. Кристофер же, казалось, не замечал холода. Его куртка была распахнута, а лицо горело румянцем.

– Это здесь... – прошептал он, оглядываясь, словно за ними могли следить. – Сюда!

Он нырнул в сумрак, под узкую облупленную арку, увлекая за собой Еву. Их обступили старые глухие стены; в одной из них тускло поблескивало маленькое, забранное решеткой окошко. За грязным стеклом мерцало, колебалось пламя свечи. Звуки улицы странным образом стихли...

– Где мы? – тоже шепотом спросила Ева.

Кристофер поднял голову и глубоко вдохнул неожиданно чистый воздух.

– Нигде... Загадайте желание, Ева! Оказаться в Лондоне времен королевы Елизаветы I, например. Представьте себе, что это не простая стена, и что это окошко... Впрочем, к черту Лондон! Я совершенно выпустил из виду, что там свирепствует чума! Вы знаете, что такое чума, Ева? Лучше вам и не знать. Перенесемся в Дептфорд, в деревушку, расположенную неподалеку от столицы Англии, роковое для меня место. Посмотрите на эту свечу за окном! Ее зажгла прекрасная вдовушка, Элеонора Буль, хозяйка деревенской гостиницы. Здесь меня ждет... смерть!

Глаза молодого человека подернулись влагой. Ева испуганно тронула его за рукав, заставляя прийти в себя.

– О! – воскликнул актер, обращая мутный взор на свою спутницу. – Я хочу избежать смерти! Я ведь еще так молод! Я талантлив. Я мог бы затмить самого Шекспира. Думаете, кто пишет пьесы для театра? Их пишу я! И я должен умереть в самом расцвете жизни, карьеры, любви... Помогите мне, Ева!

Он приблизился к ней, прижался лицом к ее волосам. Ева замерла, чувствуя себя в объятиях тигра или... безумца. Что придет ему в голову в следующий миг?

– Но Генри Дарнли ничего не писал, – заботилась она, осторожно пытаясь высвободиться. – И он расстался с жизнью не в Дептфорде, а в поместье Керк-О-Филд, в Шотландии. Вы что-то путаете, Крис! Вы слишком вошли в роль. Это опасно. Так можно и...

– Потерять рассудок? – усмехнулся молодой человек, разжимая руки и выпуская ее. – Ошибаетесь, Ева. Я в здравом уме и полной памяти! Я умираю не только как Генри Дарнли, но и как Кристофер Марло. Смерть повсюду. Она преследует меня! Она тенью крадется за мной! Вам не понять. Я хотел скрыться от нее здесь, в Москве, перепрыгнул четыре столетия... и все напрасно! – Он горько рассмеялся. Замолчал, наклонился и взял пригоршню снега, слепил снежок, со всей силы запустил его в стену. – Проклятие! Над некоторыми людьми тяготеет проклятие. И я – один из них. А вы, Ева?

Она невольно попятилась.

– В-вам пора на репетицию...

– Не пугайтесь, – улыбнулся актер, меняя выражение лица. – Я просто тренируюсь, обкатываю монологи из новой пьесы. Вы видели афиши? «Ошибка лорда Уолсингема». Приглашаю вас на премьеру.

Ева ему не поверила. Ей хотелось немедленно уйти из этого сумрачного закоулка, прервать тягостный разговор.

– Идемте, – громче, чем следовало, сказала она. – У меня через полчаса начинается занятие. Я преподаю испанский язык.

Молодой человек вывел ее на улицу, в шум и оживление, в поток прохожих.

– Где мы были? – спросила Ева, которой стало неловко за свои страхи.

Актер развел руками:

– Забудьте! И простите меня. Я, кажется, переиграл. Это была шутка!

Он засмеялся. Ева попыталась улыбнуться – неудачно. Вместо улыбки ее лицо исказила напряженная гримаса.

– Плохой из меня кавалер получился, – как ни в чем не бывало сказал Кристофер. – Хотел вас развлечь, а вместо этого испугал. Но я обещаю исправиться! Бегу на репетицию.

Он сделал почтительный поклон и хотел поцеловать Еву руку. Она непроизвольно отдернула ее, засунула в карман.

– Вижу, мои дела совсем плохи, – расстроился молодой человек. – Дайте мне хотя бы свой телефон! Я вовсе не собирался портить вам настроение, Ева. Наоборот! Вы мне очень нравитесь, клянусь. Вот я и решил пооригинальничать. Неужели вы меня не простите?

Он скорчил такую забавную мину, что Ева смягчилась. Ничего же не произошло! Это все ее депрессия. Не хватало еще на людей бросаться.

– Хорошо, – сказала она, достала из сумочки визитку и протянула актеру. – А вы взамен дайте мне свою.

– С радостью, но пока не обзавелся! Я поступлю вот так. – Он вырвал из карманного блокнота листок, написал номер телефона. – Держите! Звоните мне рано утром или поздно вечером, после двенадцати.

– После двенадцати – это не вечер, это ночь! – усмехнулась Ева.

– Спектакли заканчиваются в одиннадцать, пока доберусь до дому...

– В Лондон? Или в Эдинбург? – пошутила она. – А может быть, в Дептфорд, под бочок к прекрасной вдовушке?

– Поделом мне! Я заслужил вашу иронию. До свидания.

Молодой человек повернулся и поспешно скрылся за дверями театра. Ева рассеянно сунула листок с номером телефона в карман. Ей не давала покоя Элеонора Буль, хозяйка деревенской гостиницы. Знакомое имя...

По дороге домой, сидя в вагоне метро, Ева порылась в сумке, нашла смятую, чудом уцелевшую программку «Прекрасной злодейки». Элеонора Буль – псевдоним одной из актрис. Что за чертовщина?

Глава 5

От главного врача Смирнов отправился в кабинет хирурга Адамова. Здесь он расположился свободно, как хозяин, пусть и временный. Семенов разрешил ему опрашивать любого сотрудника, с которым он сочтет нужным поговорить, но слезно умолял не тревожить пациентов. Сыщик пообещал. В этом «монастыре» существовал свой устав, и его не следовало нарушать.

Первой на беседу Всеслав пригласил тетю Полю.

– Можно? – робко спросила она, приоткрывая дверь.

Тетя Поля оказалась невысокой женщиной средних лет, с рано постаревшим лицом, с забранными в хвост жидкими волосами и натруженными руками. Она вошла и села на краешек дивана. Предложение сыщика расположиться поближе для удобства разговора тетя Поля решительно отвергла, упрямо качая головой.

– Я тут буду, – пробормотала она, исподлобья кидая на Всеслава недовольные взгляды. – Меня уже расспрашивали. Больше я все равно ничего не знаю.

Сыщик любезно улыбнулся.

– Конечно. Я только хочу кое-что уточнить. Полина Андреевна, что вы делали в ту ночь, когда убили Лейлу Садыкову?

– Уборку, как всегда. Но это до девяти вечера. Потом некоторые пациенты спать ложатся, и беспокоить их нельзя, – ни ведрами греметь, ни пылесосом гудеть, ничего такого. Ну, иногда доктора просят чайку вскипятить, еще чего-нибудь. Я делаю. А иногда и пациентам требуется поднести что-то, унести. Попадаются страсть какие капризные! Разве одна дежурная сестричка со всеми справится?

– После уборки вы чем занимались?

Тетя Поля подняла голову вверх, беззвучно зашевелила губами.

– Помогала Лялечке стерилизовать инструменты, – наконец произнесла она. – Потом меня одна дамочка позвала, попросила подать чаю. Ей встать было нельзя. Я приготовила чай, отнесла. Потом... ох, запаматовала! Кажись, села в холле телевизор смотреть. У меня бессонница, а таблетки я пить не люблю, вот и коротаю времечко, как получится. Ночное дежурство мне не в тягость, а в радость!

– Вы тем вечером посторонних в холле или в коридоре не встречали?

– Нет. После девяти посетители расходятся, у нас порядок такой, – сказала санитарка. – Доктора Адамова видела, но он ведь не посторонний. Они с Лялечкой сели ужинать, а меня попросили в дежурке побыть, у пульта. Ну, вдруг кому из пациентов плохо станет или еще что. Поели они... Ляля вернулась, отпустила меня телевизор смотреть.

– Куда вы пошли, в холл?

– Да. Куда ж еще? – Она заплакала, громко шмыгая носом. – Больше я Лялечку... живой не видела.

Прежде чем беседовать с персоналом клиники, Смирнов изучил обстановку, осмотрел расположение палат и других помещений. Из холла дверь в комнату дежурной медсестры увидеть было нельзя.

– А что вы смотрели? Сериал?

– Итальянский! – ответила тетя Поля. – «Разбитое сердце» называется. Сiju я, значит, слезами обливаюсь... Когда фильм закончился, я на другой канал переключила.

– До которого часа вы смотрели телевизор? – спросил Всеслав.

Санитарка пожалала худыми плечами:

– Так я время не засекала. Зачем? Глядела ток-шоу, потом показ мод... ой, я точно не припомню, все смешалось в голове!

– Вы ничего подозрительного не видели, не слышали?

Она покачала головой:

– Нет... телевизор работал, я увлеклась. Мне прислушиваться ни к чему. Если понадобится – позовут!

– А с какой целью вы пошли в дежурку?

Тетя Поля всплеснула руками, прижала их к плоской груди.

– Беспокойно мне стало, сама не знаю, почему. Сердце заныло... мочи не было терпеть! Дай, думаю, гляну, как там Лялечка, не уснула ли ненароком? Ну и... – Слезы градом покатились по ее щекам. – Как вошла... у меня ноги-то подкосились, в глазах потемнело, и бухнулась я на пол без чувств. Даже толком не успела ничего разглядеть! Кровь была на полу, везде, а в этой крови она... лежит... Ой! Ужас-то! Теперь я и вовсе уснуть не могу, стоит глаза закрыть, сразу ее вижу, горемычную!

– Вы кого-нибудь подозреваете? Кто, по-вашему, мог убить Садыкову?

– Не-е-еет... Я? Никого! Откуда мне знать?! – воскликнула санитарка. – Это ж злодей какой! Нелюдь! Бедная Лялечка... Мне потом Лев Назарыч сказал, что она не мучилась, умерла быстро. Спаси, Господи!

Тетя Поля несколько раз перекрестилась.

– Какие отношения были у Садыковой с доктором Адамовым? – спросил Смирнов.

– Обыкновенные... Он – хирург, она – медсестра.

– И все?

– Может быть, Лялечка была влюблена в доктора, так это не удивительно. В него многие влюбляются!

– И вы?

Санитарка аж подпрыгнула от возмущения.

– При чем тут я?! Доктор Адамов – мужчина видный, с положением. А я кто? На него дамочки богатые засматриваются и молодые девушки, и... вообще-то у него жена есть. Кристина Егоровна, наша бывшая сотрудница!

– Понятно, – вздохнул сыщик. – Вы хорошо знаете супругу Адамова?

– Не то чтобы хорошо... как все.

– Могла она убить Садыкову из ревности, например?

– Вы что?! – От неожиданности слезы тети Поли высохли. – Она здесь больше не работает. Как бы Кристина Егоровна пробралась в клинику незамеченной? Ее же сразу узнали бы!

– Вот видите? – не сдавался Всеслав. – Раз она здесь работала, значит, знает все ходы и выходы, все укромные уголки. Могла пройти под видом посетительницы, парик, очки, грим, спрятаться где-нибудь, дожидаться ночи и... Почему нет? Кристина Адамова тоже хирург, скальпелем орудовать умеет, извлечь какой-нибудь орган, сердце к примеру, для нее пара пустяков! А потом она быстренько накинула на себя врачебную одежду и скрылась через окно или черный ход. У вас ведется строгий учет медицинских халатов, костюмов?

– Нет... – растерянно хлопала глазами санитарка. – А зачем Кристине Егоровне Лялечкино сердце? – наивно спросила она.

– В назидание другим! – грозно сдвинул брови Смирнов. – Чтобы и мысли не было завлекать ее супруга!

– А-а! – испуганно кивнула тетя Поля. – Тогда понятно...

Сыщик нарочно решил распустить по клинике противоречивые слухи. Авось, убийца, если он находится среди персонала, каким-либо образом выдаст себя. Лучшего способа, чем поделиться своими «подозрениями» с уборщицами и секретаршами, он пока не придумал.

После тети Поли, которая в полном смятении покинула кабинет Адамова, в него вошла секретарша главного врача Майя Орлова. Она была похожа на манекенщицу, демонстрирующую модный наряд. Длинные ноги, как им и положено, первыми бросались в глаза; короткое

платье немыслимого фасона так плотно облегло фигуру, что можно было пересчитать ребра девушки; на голове царило нечто неопределенное – перепутанные пряди торчали в разные стороны, создавая эффект взрыва. Наверное, эта прическа стоила немалых денег.

Секретарша уселась напротив Всеслава, положив ногу на ногу. Шпильки на ее туфлях достигали пятнадцати сантиметров. Он с трудом отвел от них глаза, вызвав на пухлых губках Майи снисходительную усмешку. Она истолковала его интерес по-своему и осталась довольна произведенным впечатлением.

– Что вы можете сказать о Садыковой? – спросил сыщик, переходя к делу.

– Ничего. – Майя взмахнула накрашенными ресницами и поджала губы. – Хорошая медсестра... была. Аккуратная. Ее хвалили.

– Руководство клиники или пациенты?

– И те, и другие. А что?

– У Лейлы были враги? – проигнорировал ее вопрос Смирнов.

Секретарша задумчиво покачивала узким длинным носком лакированной туфли.

– Не знаю... Может, и были. Только не в клинике.

Сыщик решил выбить ее из колеи. А то сидит тут, делает ему одолжение, попутно любясь собственными ногами!

– Кто, по-вашему, будет следующей жертвой маньяка? – серьезно спросил он.

Кукольные глаза Майи распахнулись так широко, что едва не выскочили из орбит.

– С-следующей жертвой? – пропищала она, стремительно бледнея. – Вы о чем?!

– Ну, как вам сказать, – оценивающе меряя ее взглядом, процедил Смирнов. – Убийца выбирает красивых, молодых девушек. На Садыковой он не остановится. Значит...

– Боже мой! Вы на что намекаете? – не дослушав, завопила секретарша. – Какой маньяк? Откуда?

– Откуда берутся маньяки, ни криминалисты, ни психологи точно не знают! Но поведение примерно предсказать могут. Так что...

– Разве Ляльку убил не Адамов? – снова перебила его Майя. – Из ревности или... ну, не удовлетворила она его! А может, отказала! Он и... Мужики этого не любят.

– При чем тут Лев Назарович? – притворно удивился сыщик.

– Ка-а-ак? Ведь это же он!

– С чего вы взяли, Майя? Доктор Адамов – всего-навсего один из подозреваемых. То, что он во время убийства спал у себя в кабинете, еще ничего не доказывает! И зачем ему потрошить труп? Сами подумайте. Тут явно прослеживается почерк маньяка.

– Вы серьезно? – пискнула секретарша, холодея от страха.

Ведь самой красивой девушкой в клинике она явно считала себя. Выходит, ей угрожает нешуточная опасность!

– Отвечайте на мои вопросы со всей ответственностью, – строго сказал Всеслав. – Только так мы сможем обезвредить преступника.

– Х-хорошо... Но я больше ничего не знаю.

Дальнейшая беседа была построена на пустых вопросах, Майя ничего существенного к сказанному добавить не могла. Да и главной цели сыщик достиг: посеял в ее неповоротливом уме идею про маньяка. Теперь она начнет развивать ее, параллельно с версией о Кристине Адамовой. Что ж, прекрасно!

Разговоры с остальными сотрудниками оказались напрасной тратой времени, – никто ничего не видел, не слышал. Одни склонялись к тому, что Адамов и Садыкова были-таки любовниками, другие сомневались или отрицали сей факт. Почти никто не считал Льва Назаровича способным совершить столь жестокое убийство, но и других подозреваемых не называли. Словом, тупик.

«Пожалуй, мне стоит проверить алиби Кристины на ту ночь, – подумал Смирнов, закрывая кабинет. – Чем черт не шутит?»

* * *

Ева вернулась домой сама не своя. Встреча у театра с актером Кристофером Марло, глухой закоулок, куда он привел ее, свеча за грязным стеклом – все это показалось ей кошмарным сном. Скорее бы пришел Славка, она пожалуется ему на свое настроение, и ей станет легче. Он посмеется, будет над ней подтрунивать. Пусть!

Ева решила почитать, но буквы на страницах купленного по дороге журнала расплывались перед глазами. Она отложила журнал и отправилась в кухню, готовить ужин. Все валилось у нее из рук.

Сама того не желая, Ева прислушивалась к каждому звуку на лестничной площадке, к каждому шороху в квартире. О телефоне она старалась не думать. Что ее заставило обменяться номерами с молодым актером? Он какой-то странный, несет всякий бред!

– Ты преувеличиваешь, Ева, – прошептала она, разговаривая сама с собой. – Все артисты немного отличаются от обыкновенных людей. И художники, и музыканты! На то они и богема. Творчество стирает границы реальности. Подумаешь, люди выходят на сцену под псевдонимами! Разве не так поступают эстрадные певцы? И никого подобные вещи не пугают.

«А ты хочешь, чтобы он позвонил, этот сумасбродный Крис? – спросил ее внутренний голос. – Ну, признайся же! Он ведь тебе понравился. У него такие томные, страстные глаза, такие шелковистые волосы, такие чувственные губы. Как он целует?»

– Нет! – защищалась Ева. – После той глупой болтовни мне уже не хочется ни его звонков, ни его внимания. Я поддалась минутной слабости, о которой теперь жалею.

Будто откликаясь на ее мысли, раздался телефонный звонок. Ева подскочила от неожиданности, хотя как раз об этом думала. Звук сигнала имел зловещий оттенок.

– Что за ерунда! – рассердилась она на себя.

Телефон затих, но через минуту звонки возобновились. Ева сидела, не в силах взять трубку и ответить. Наконец она решилась.

– Ф-фу! – раздался знакомый голос Смирнова. – Ты почему не берешь трубку?

– Я только что пришла, – соврала Ева.

Не признаваться же, какая она трусиха.

– Тут такое дело... я попробую остаться на ночь в клинике. Хочу проверить, возможно ли где-то спрятаться, а потом незаметно покинуть здание. Ты побудешь эту ночь одна?

Еве стало дурно. Перспектива остаться ночью одной в квартире привела ее в полуобморочное состояние. Только не сегодня!

– Смирнов! Ничего умнее не придумал?

– Следственный эксперимент, – усмехнулся он. – Да ты не волнуйся. Со мной все будет в порядке.

– А со мной? Я боюсь...

– Чего? – удивился сыщик. – Закройся на все замки, никому не открывай, положи телефон поближе, чтобы был под рукой.

Вот этого ему лучше было не говорить.

– Мне страшно, – захныкала Ева. – Полнолуние, наверное. Или весна действует. Приходи домой, Славка!

– Задерни шторы, включи телевизор.

Он явно не понимал серьезности момента.

– Ладно, черт с тобой! – взорвалась Ева. – Почему мужчины бывают заняты, когда они нужнее всего?

Она бросила трубку и пошла по комнатам закрывать шторы. Послушно включила телевизор, уставилась на экран. Ей было все равно, что смотреть. Так прошел час.

Телефон молчал, и Ева постепенно успокаивалась. В конце концов, она может просто не брать трубку. Кто ее заставляет? Мысли переключились на Смирнова. Интересно, где он собирается прятаться? В какой-нибудь из подсобок, в процедурной или в прачечной? В таких клиниках наверняка должна быть своя прачечная.

Ева не заметила, как заснула. Телевизор продолжал работать, а она мирно посапывала. Во сне ей привиделся длинный больничный коридор, по которому крадется убийца с огромным ножом. Его тень скользит по стене... А за столом прикорнула дежурная сестричка, молоденькая, незащищенная, ничего не подозревающая. Злодей подкрался к ней, замахнулся... и в это время зазвучал сигнал тревоги!

Ева вскочила. В комнате стояла темнота, рассеиваемая горящим экраном телевизора. Шел эротический фильм. Красавица с осиной талией и необъятным бюстом занималась любовью с атлетически сложенным мужчиной, оглашая пространство стонами и воплями. На тумбочке разрывался телефон.

Ева спросонья не сообразила, что звонки раздаются не в кадре, а в ее комнате. Пару минут она смотрела на телефон, не понимая, что происходит, потом потянулась к трубке и... отдернула руку. А вдруг, это опять та же зловещая тишина?

– Глупости, – пробормотала Ева, стараясь унять бешеный стук сердца. – У меня разыгралось воображение. Наверное, звонит Славка, хочет поделиться, – удалось ему остаться на ночь в клинике, или он был с разоблачен и с позором выставлен.

Несмотря на попытку самоуспокоения, волнение только усилилось. Звонки не умолкали. Ева взглянула на часы – половина первого ночи.

– Это Смирнов, – сказала она себе, выравнивая дыхание. – Беспокоится обо мне. Ему тоже не спится. Разве уснешь в какой-нибудь пыльной кладовке, где и лечь-то некуда?

Ева взяла трубку. Ее голос прозвучал хрипло и неуверенно.

– Я слушаю...

На том конце молчали.

– Алло! – закричала она. – Кто вы?

– Шпион королевы Елизаветы, – прошептал знакомый баритон молодого актера. – Я боялся вас разбудить, прекрасная леди. Боролся с собой, но пал в неравной битве! И вот осмелился позвонить.

Ева с облегчением улыбнулась. Жизнь иногда повторяет одни и те же гримасы, но во второй раз они уже не воспринимаются серьезно. «Шпиономанией» страдал первый муж Евы, который был офицером госбезопасности.

– Шпио-о-он? – преувеличенно удивилась она. – Что вы делаете ночью в Москве?

– Сгораю от любви и сожалений... Вспоминаю, как я был неловок сегодня при встрече с вами и не перестаю возмущаться собственным неуклюжим стремлением понравиться. Обычно женщины бывают от меня без ума! В старой доброй Англии мужчины умели ухаживать за дамами.

Он снова повел странную игру, прикидываясь пришельцем из прошлого. Но Еве было так страшно одной, что она включилась в предложенный им ход «пьесы». Лучше уж болтать с Кристофером Марло, чем покрываться гусиной кожей от невообразимой жути, которая надвигалась на нее из всех углов полутемной квартиры.

– А за кем вы следите, господин шпион? – игриво спросила она.

– Да так, за кем прикажут. Этой ночью – за вами.

По спине Евы прокатился холодок озноба.

– Шутите?!

– Вовсе нет! Красивая женщина в любые времена являлась объектом повышенного интереса. Так что я серьезен.

Ева смешалась.

– Кого же я интересую? – отдышавшись, как можно спокойнее спросила она.

Актер помолчал, дразня свою собеседницу.

– Есть некоторые, – с усмешкой ответил он. – Не догадываетесь, кто? У такой женщины, как вы, наверняка есть или был тайный возлюбленный.

У Евы заныло в груди, голова пошла кругом. Неужели, прошлое никогда не выпустит ее из своих цепких когтей? На что намекает этот наглый мальчишка? Откуда он знает?

– Я... – Она прокашлялась. – Я придерживаюсь строгих правил. На моей репутации нет ни единого пятнышка.

Ева двигалась на ощупь, проверяла, что может быть известно этому Кристоферу Марло. Кстати, сколько он будет водить ее за нос? Пора разузнать, как его зовут на самом деле. Он ведь где-то живет, и вообще... Фу-у-у! Какая она все-таки дура, чуть не поверила в его сказки про Англию и королеву Елизавету!

Актер длинно, раскатисто засмеялся. Так он, вероятно, смеялся на сцене – громким, хорошо поставленным голосом.

– Вы опять испугались, прелестная леди, – перешел он с хохота на вкрадчивый шепот. – Значит, я прав. Тайный возлюбленный! О-о! Вы меня не разочаровали. Хотя... с другой стороны, я страшно зол на вас и весь горю от ревности! Возможно, я сам претендовал бы на эту роль, а вы лишили меня надежды. Жестокая кокетка!

Его наглость переходила всякие границы.

«Нужно немедленно сказать Смирнову, чтобы он выяснил подноготную этого мерзавца! – сердито подумала Ева. – Немедленно! Звонить малознакомой женщине по ночам и говорить такие дерзости?! Да как он смеет?!»

– Не обижайтесь, – уловил ее настроение молодой человек. – По-вашему мнению, я давно мертв. А на мертвых негоже таить обиду!

– Что вы несете? – взорвалась Ева. – Вы мертвы? Значит, я разговариваю с покойником?

– С кандидатом в покойники, это уж точно!

Она потеряла терпение.

– Послушайте, я не знаю, чего вы добиваетесь, но...

– Простите меня, Ева, – в его голосе прозвучало раскаяние. – Мне суждено скоро попрощаться с жизнью, а подобные обстоятельства раскрепощают. Я позволяю себе больше, чем положено, но меня извиняет неминуемое приближение смерти. Вам этого не понять...

– Вы больны? – выпалила она.

Кристофер Марло приглушенно засмеялся.

– Наверное, это болезнь... любовь к равнодушным женщинам. Неужто вас совершенно не трогает моя близкая кончина? Вы привыкли, что любящие вас умирают?

– Прекратите! Вы не можете ничего знать и не знаете обо мне! Вы ведете дурацкую игру, господин... Марло. И ваша дурацкая кличка не поможет вам остаться неузнанным.

Он снова расхохотался.

– Если есть вход, то должен быть и выход, – непонятно выразился он, отсмеявшись. – Иногда с того света возвращаются, дорогая леди!

Глава 6

Убийство, особенно столь жестокое, как убийство Лейлы Садыковой, накладывает некий отпечаток на то место, где оно произошло. В пространстве будто все еще витает не только дух погибшего, но и образ убийцы. Неразоблаченный, он вынашивает в извращенном сознании свои жуткие планы; оставаясь во мраке, он выслеживает свою будущую жертву. И никто не может чувствовать себя в безопасности.

Именно такая атмосфера тщательно скрываемого страха царила в клинике пластической хирургии. Пациенты были подавлены случившимся, а сотрудники шарахались друг от друга, при этом делая вид, что никто из них не поддастся панике.

Уход доктора Адамова в отпуск за свой счет у многих вызвал облегчение. Верили или не верили окружающие, что Лев Назарович лишил жизни медсестру Садыкову, но без него стало как-то спокойнее. Меры по обеспечению безопасности были усилены. Появление частного сыщика тоже внесло свою лепту в сглаживание ситуации – в расследование включились дополнительные силы, значит, убийца будет найден и понесет заслуженное наказание.

Днем дела в клинике текли своим чередом, но к вечеру в воздухе появлялись повышенные нервозность и подозрительность. Люди то сбивались в кучки, то, напротив, сторонились друг друга. Они начинали чаще оглядываться и предпочитали поскорее покинуть помещение, если оставались в нем одни. В злополучную дежурку, где погибла Лейла, сестрички заходили по двое-трое и так же выходили. Никто не желал оставаться на ночь – главному врачу пришлось назначать на дежурство сразу двоих. Вездесущая тетя Поля утратила весь свой пыл, и уже неохотно подменяла ночью других санитарок. После восьми часов вечера кабинеты врачей и коридоры клиники пустели, пациенты разбредались по палатам – многие из них проявили желание после ужина запереться у себя. Но, поскольку замков на дверях палат не было предусмотрено, самые трусливые придвигали к дверям стулья и чуть ли не сооружали баррикады.

Все это Смирнов успел заметить, когда выходил в комнату для курения. Периодически, между беседами с персоналом, ему хотелось отдохнуть, собраться с мыслями и побаловаться сигареткой. По дороге он внимательно присматривался и прислушивался. В курительной до него долетали обрывки разговоров, он мог наблюдать поведение курящих врачей и медсестер.

Посещение больничной столовой добавило впечатлений. Здесь можно было выбрать за стойкой блюда самому, а можно было сделать заказ, и тогда за дополнительную плату повара приготовят любой деликатес, а официантка обслужит, как в ресторане. Желаящим еду разносили по палатам – словом, сервис по европейским стандартам.

Смирнов заказал себе стейк и пиво. Молоденькая девушка, которая принесла ему мясо и открытую бутылку «Баварского», пожаловалась на плохой аппетит посетителей.

– И доктора, и пациенты перестали кушать, – заученно улыбаясь, говорила она. – Мы готовим в два раза меньше, чем обычно, и все равно много остается.

– Нервы... – неопределенно сказал сыщик.

Официантка согласно кивнула, но развивать тему не осмелилась.

Готовили в столовой отменно, мясо получилось мягким, сочным, с хрустящей, хорошо зажаренной корочкой. Всеслав с удовольствием ел, рассматривая остальных ужинающих. Люди действительно брали в основном салатики, молочное и десерт, явно отказываясь от мясных блюд. Происшествие в клинике повлияло не только на настроение, но и на кулинарные пристрастия.

Крепких спиртных напитков не подавали. «А зря! – подумал Смирнов. – Для профилактики оказалось бы как нельзя кстати!»

Наевшись, он вернулся в кабинет Адамова – обдумывать, каким способом остаться в клинике на ночь. Во-первых, надо сделать вид, что он уходит, а во-вторых, присмотреть под-

ходящее укрытие и затаиться в нем. Лучше всего подойдет какая-нибудь кладовка, которой редко пользуются.

Разумеется, если такой целью задастся сотрудник, для него это пара пустяков. Он или она отлично знает уклад жизни клиники, расположение помещений, их предназначение и то, как часто их посещают. Постороннему это будет труднее, но возможно. Вот как ему, Смирнову.

У сыщика почти не было сомнений, что он сможет незаметно остаться в клинике, повторить путь убийцы и скрыться. Однако эксперимент всегда удается только в рассуждениях.

Всеслав посидел еще немного в кабинете, пока движения в коридоре, голоса и другие звуки не стихли, вышел, закрыл дверь и направился к хозяйственным помещениям. Он захватил с собой набор отмычек и присматривался к замкам запертых дверей. Коридор свернул вправо, и как раз за поворотом Смирнову приглянулась небольшая дверка, которую, похоже, открывали редко. Он оглянулся и прислушался. В холле в это время обычно работал телевизор, но сюда звуки не доносились. Где-то за одной из дверей разговаривали: слов было не разобрать. Эх, была не была! Сыщик достал отмычки, быстро и легко открыл замок, нырнул внутрь комнатухи и плотно прикрыл за собой дверку. Его обступили темнота, тишина и запахи дезинфицирующих средств, которыми, впрочем, пропахло все в клинике.

Через минуту он включил миниатюрный фонарик, осмотрелся. Комнатка представляла собой нечто среднее между складом поломанного или устаревшего оборудования и местом хранения вещей, отслуживших свой срок, но еще могущих пригодиться. Здесь были сложены бывшие в употреблении шторы, покрывала, пустые цветочные горшки, стояли две искусственных елки и картонные коробки, по всей видимости, наполненные елочными игрушками и гирляндами.

Смирнов осмотрел дверь, ее можно было закрыть изнутри, что он и сделал. Пришла мысль: «Возможно, именно здесь прятался убийца!» Но сыщик ее прогнал. Это уж слишком просто. Он прикинул, сколько ему придется торчать в тесной пыльной кладовке, и огорчился. Сесть некуда, разве что на корточки. Постояв полчаса, он все-таки опустился на корточки, устроился поудобнее, привалившись спиной к поставленным одна на другую коробкам, и закрыл глаза. Думать о том, что дома Ева приготовила вкусный ужин, а в спальне его ждет мягкая постель, совсем не хотелось.

«Тяга к экспериментам серьезно ухудшает условия жизни, – вяло подумал Всеслав. – Кое в чем теория гораздо привлекательнее практики. Ну с какой стати я обрек себя на эти мучения? Нормальный человек давно валялся бы на диване и смотрел телевизор».

Громкие шаги по коридору отвлекли его от процесса самобичевания и заставили напрячься. По шуму и долетавшим до него словам Всеслав догадался, что вахтер с дежурной медсестрой обходят помещения. Они заглядывали в открытые двери, убеждались в отсутствии посторонних и шли дальше. Закрытые же проверяли. Они остановились у двери, за которой притаился сыщик, подергали ее.

– Заперто, – зевая, сказал вахтер. – Порядок.

Их шаги стали удаляться, и Смирнов с облегчением перевел дух. Его эксперимент удался. Теперь он мог дожидаться удобного момента, выйти, пробраться к дежурным сестричкам и...

Он решил, что покидать убежище несколько рановато. Во-первых, вахтер с медсестрой не успели еще все обойти и вернуться, а во-вторых, пациенты если и заснули, то некрепко. Мало ли? Лишний ночной переполох не пойдет на пользу ни персоналу, ни больным. Хотя какие они больные? Перекраивают свои лица, тела в угоду моде или по еще более непонятным мотивам. Врожденное уродство исправить, последствия травмы, шрамы, ожоговые рубцы убрать – это бывает необходимо. Но как раз такие пациенты в клинику обращались редко.

– Какая тебе разница? – спросила бы Ева. – Твое дело – не учить людей, а помогать им защищать себя от чужих злых намерений.

Он вспомнил о Еве и забеспокоился. Она не хотела оставаться на ночь одна, чего-то боялась. Нервы разыгрались? В любом случае надо было, наверное, побыть с ней. Впрочем, уже поздно сожалеть, следует довести до конца начатый опыт.

Чтобы не терять зря время и не заснуть ненароком, Смирнов пустился в размышления. Почему он заиклился на медиках или на посторонних? Мог ли совершить убийство пациент, например? Тогда уж – пациентка. Главный врач сделал для сыщика расклад, какие и кому делались операции, и кто лежал к клинике в день – вернее, в ночь – убийства. Это были в основном женщины разного возраста, не считая мальчика десяти лет и двух девочек. Детей сыщик исключил сразу, а дамы... тоже сомнительно. С какой стати им зверски убивать медсестру? Версия не выдерживала критики.

«А ревность? – возразил Смирнову внутренний голос. – Разве не могло у Адамова быть интимной связи с пациенткой? Она замечает, какие взгляды бросает на доктора Лейла Садыкова, и расправляется с ненавистной соперницей».

– Ладно, оставим в качестве рабочей гипотезы, – прошептал сыщик. – Но зачем взяли сердце? Что это? Акт устрашения? Болезненно-маниакальное проявление? Джек-потрошитель тоже извлекал из мертвых тел органы...

Шаги в коридоре помешали ему додумать эту мысль до конца. Кто-то – Всеславу показалось, что их двое, – остановился недалеко от комнатки, где он прятался. Женский голос приглушенно произнес:

– У меня просто мороз по коже, когда я прохожу по этому коридору. Ты не боишься?

– Боюсь, – ответил второй женский голос, охрипший. – Потому и позвала тебя, чтобы одной не ходить. Давай открывай!

Послышался звук, как будто кто-то пытается открыть замок.

– Может, ключ не тот?

– Да тот, только этот замок заедает. Давно пора сменить!

Они ковырялись ключом в замке и разговаривали.

– Ты веришь, что Адамов убил Ляльку? – спросил первый голос.

– Не знаю. Мне даже думать о таком страшно!

– Говорят, он свою первую жену...

Смирнов неловко повернулся, чтобы придвинуться поближе и лучше слышать, задел какую-то не то палку, не то карниз, который с грохотом упал. Женщины притихли.

– Что это? – спросила одна.

– О-о-ой! Бежим!

Громко кричать они не посмели – благодаря строгой выучке, но дали такого стрекача по коридору, что сыщик понял: если они поднимут шум, ему несдобровать. Нужно срочно выбираться.

* * *

Хирург Адамов тоже не спал в эту ночь. Перед его внутренним взором прошла вся его жизнь: беззаботное детство, школьные годы, учеба в мединституте, студенческие вечеринки, женитьба... Две вещи играли для Левы главную роль – медицина и женщины. Может, потому он и посвятил себя пластической хирургии.

Женщинам свойственно заблуждаться и приносить жертвы во имя этих самых заблуждений. Ну разве не безумие – придавать значение форме груди или носа, морщинам, складкам и прочим «недостаткам» внешности? Доктор Адамов понимал тех представительниц прекрасного пола, для которых тело являлось неперменным атрибутом профессии – артисток, моделей и стриптизерш. Но все остальные?!

Дамы приходили к нему в клинику и платили не за операции, а за собственные ожидания, которые сплошь и рядом не оправдывались. Тогда они приходили вновь и вновь, с твердым убеждением – еще что-то убрать, еще что-то подправить, и судьба им улыбнется, мужчины окажутся у их ног и принесут им не только свои сердца, но и кошельки. Парадокс заключался в том, что с той же целью обращались к пластическим хирургам женщины уже замужние и прекрасно обеспеченные. Свои внешние данные они считали залогом будущей стабильности и неизменности достигнутых благ.

Как они ошибались! Жизнь идет, течет, бежит – она не может стоять на месте, сколь бы ни было привлекательным это место. Изменения... их ничем не остановишь, а тем более бессилён против них хирургический скальпель.

На каком году своей блестящей врачебной практики доктор Адамов прозрел? Он дошел до того, что начал отговаривать потенциальных пациенток ложиться на операционный стол. Они принимали это за новый вид рекламы и становились еще настойчивее. Что бы он ни предпринимал, его клиентура росла вместе со славой и доходами. Он был обречен на успех! Рядом поднимались, набирали силу, как сорняки, зависть и недоброжелательство.

Так же складывались и личные отношения Льва Назаровича с прекрасными дамами – легко, красиво и без малейших усилий с его стороны. Женщины влюблялись в него сразу, как только встречались с горячим взглядом его цыганских глаз. На самом деле они любили не его, Леву Адамова, а собственные, порой ошибочные представления о нем. Они влюблялись в доктора, в хирурга, в солидного, удачливого мужчину... и не видели, а главное, не хотели видеть его истинное лицо. И этого он не прощал им.

Женитьба на Елене, сулившая неземное блаженство, принесла разочарование и боль. Куда делась через год брака беззаветно влюбленная в Левушку красавица-однокурсница, на которой мечтали жениться все студенты мужского пола, аспиранты и молодые преподаватели? Болезненная страсть – Елена стремилась к полному подчинению себе супруга, безраздельному владению им. Бурный, частый секс начал утомлять и раздражать Адамова. Он даже подумывал, а не развивается ли у него импотенция на почве переутомления? Отказ от ласк Елена воспринимала как охлаждение и признак супружеской измены. Она тайно страдала, не смея прямо спросить мужа о причине такого положения вещей, и рисовала в своем воображении многочисленные несуществующие романы ее Левы с пациентками, медсестрами и врачами. Это истощало и без того хрупкую нервную систему Елены: она перестала спать, принимала все более сильное снотворное, накручивала себя до истерического состояния, которое вынуждена была подавлять. Рождение дочери, на которое оба супруга возлагали определенные надежды, только усугубило ее душевную драму.

Доктор Адамов не то, чтобы не видел этого – он *не хотел* видеть. Они оба продолжали притворяться счастливой влюбленной парой. Елена – потому что панически боялась даже намек на разрыв, Лев Назарович – потому что ему так было удобно. Он ненавидел «выяснение отношений» и недвусмысленно дал понять жене, что сие ни при каких обстоятельствах не допустимо. Адамовы настолько искусно все скрывали, что даже их домработница Анфиса Карповна ничего не замечала. Она обожала красавицу хозяйку, а перед доктором просто благоговела.

Рождение Аси на первых порах приковало к себе все внимание Елены. Девочка непрерывно болела, и Адамова вынуждена была оставить работу детского врача в ведомственной поликлинике. Она целыми днями сидела дома, возилась с больным ребенком, а когда здоровье Аси улучшалось, предавалась ревнивым мыслям о горячо любимом супруге. Доктор много консультировал, оперировал, сутками пропадал в клинике – он действительно был занят, но Елена думала по-другому. Она рисовала себе сцены разврата, которым занимался ее муж с молоденькими бесстыжими сестричками, и медленно закипала. Слабое здоровье дочери выматывало ее силы – бессонные ночи, нервное напряжение лишали ее всех желаний, кроме жажды

супружеских ласк. Елена перестала за собой следить, у нее не оставалось на это времени, перестала чем-либо интересоваться, кроме одного: где находится ее муж, чем он занимается? С кем он? Ее спасали, держали на плаву природная красота, которая не нуждалась в особом уходе, и любовь к дочери.

Горький, молчаливый упрек в ее глазах, неумная жажда секса выводили Адамова из себя. А что он мог сделать? Каяться ему было не в чем, оправдываться не за что, но чувствовал он себя без вины виноватым. Страх за жизнь ребенка лишил его привычного покоя, скрытое недовольство жены побуждало его бежать из дома, погружаться с головой в работу. Только в операционной он оставался один на один с пациентом и своим искусством хирурга, отвлекался от житейских неурядиц. Он творил чудеса! И чудеса эти порождались его стремлением заслониться от неудобной стороны существования. Он достиг наивысшего мастерства в игре, которая называлась «уход от реальности».

И все же по-настоящему неуютно Адамов ощутил себя после смерти Елены. То были цветочки, осознал он, ягодки впереди. Во-первых, на его руки свалилась Ася с ее хворями, а во-вторых, у Льва Назаровича появилась тайна. Вернее, тайны. В которых он боялся признаться даже самому себе.

Похороны жены прошли скромно, не в том смысле, что Адамов пожалел денег: на церемонии присутствовали только самые близкие – его и ее родители, несколько коллег и соседи, пожелавшие проводить Елену в последний путь. Анфиса Карповна попрощалась с хозяйкой дома и осталась с Асей. Тащить больную девочку на кладбище в такой холод и ветер не представлялось возможным.

Доктор Адамов смотрел, как засыпают могилу его жены, как летят на крышку дорогого гроба комья мерзлой земли, и думал, что все это происходит не с ним. Не он купил и привез несметное количество живых цветов, словно воздавая Елене недополученное ею при жизни. Не он сидел на немногочисленных роскошных поминках, слушая трогательные и слезливые речи. Не он вернулся в опустевшую, пропахшую свечами и хвоей квартиру. Не он...

Лев Назарович смотрел на происходящее словно со стороны. Он замечал свои промахи и огрехи – не те слова, которые должны были быть сказаны, не те движения, не то выражение лица.

– Плохая, фальшивая роль, Лева, – не одобрил он собственного поведения. – Пора менять амплуа.

Роль богатого, преуспевающего холостяка нравилась ему куда больше. Но к ней приклеился довесок – безутешный вдовец с ребенком. Доктор Адамов пытался делать вид, что довеска не существует. Увы, тщетно. Его жалели, ему сочувствовали, ему жаждали помочь... преимущественно дамы, конечно. Пришлось сменить работу. В новом коллективе Лев Назарович не распространялся о своем прошлом, придерживаясь имиджа одинокого мужчины, увлеченного медициной гения, хирурга-виртуоза.

Он снова прятал голову в песок, думая, что ему удастся перехитрить самого себя. Он предпочитал забыть о *том человеке*, который пришел к нему на следующий день после смерти Елены и сказал... Лучше было не вспоминать ни того визита, ни тех слов, ни дрожь, охватившую сильное и здоровое тело хирурга Адамова. Ни того обещания, данного им незнакомцу в состоянии аффекта.

Анфиса Карповна, слава богу, согласилась присматривать за Асей. Девочка к ней привыкла, и доктора это устраивало. Отдать Асю ни своим отцу и матери, ни родителям покойной жены он не мог. Мотивировал это Лев Назарович благородными побуждениями – дескать, ребенка должны воспитывать родители, а подбрасывать чадо кому бы то ни было – предательство и малодушие. Ему, хирургу Адамову, подобная слабость характера не свойственна, поэтому он, невзирая на трудности, будет растить Асю один.

На самом деле причина такой героической непреклонности была другая. Шестилетняя Ася оказалась не по возрасту смысленной и наблюдательной: она могла сболтнуть лишнее. Проводя целые дни с дедушкой и бабушкой, девочка невольно проговорила бы о том, что Адамов желал скрыть. Он никогда не говорил с дочерью о смерти Елены, шадя чувства ребенка, и не знал ее мыслей. Догадывается ли она? Да или нет – лучше не рисковать. Болтовня Аси могла дорого ему стоить.

Анфиса Карповна была предана доктору настолько, что он ее не опасался. Неповоротливый, туповатый деревенский ум домработницы так и не отточился за годы жизни в столице. Наверное, Анфиса не избежала участи других женщин и в глубине души была влюблена в своего хозяина. Разница в возрасте, воспитании и общественном положении делали ее чувство безнадежным и смешным. Вряд ли она даже себе признавалась в нем. Но быть рядом с хирургом Адамовым, частенько находиться с ним в одной квартире, ухаживать за ним и его дочерью составляло все ее блаженство. Она искренне любила Елену Павловну, потому что ее любил Адамов, но, когда хозяйка покинула сей бренный мир, Анфиса испытала странное ощущение горькой свободы. Теперь она одна будет окружать заботой Льва Назаровича, этого знаменитого человека!

Так прошло четыре года. Адамов понял, что домработница отлично справляется с хозяйством, но она никудышная воспитательница для Аси. Девочка растет неотесанная, некому привить ей изысканный вкус и хорошие манеры, всерьез заняться ее здоровьем, интеллектуальным развитием.

За этот период в жизни доктора появлялись женщины, но мысль о женитьбе не приходила ему в голову. Любовные связи длились недолго, и Лев Назарович разрывал отношения, как только они переходили определенную грань. Едва женщина начинала предъявлять на возлюбленного какие-то права, этим отношениям наступал конец. Безжалостный и бесповоротный.

– А не жениться ли тебе, Лева? – однажды очень по-дружески, с искренним участием спросил хирурга главный врач Семенов. – Мы, мужчины, всегда в делах. Девочке нужна мать.

Неожиданно эти слова засели в уме Адамова. Семейная жизнь с Еленой отчасти стерлась в его памяти, покрылась туманом... Он приступил к поискам матери для Аси. Привыкший к свободе, Лев Назарович не собирался ее терять. Вторая жена, если таковая будет, займет строго отведенное ей место – ни на йоту больше. Он остановил свой выбор на Кристине.

Второй брак оказался не таким, как первый. Надо ли говорить, что Анфиса Карповна с первого взгляда невзлюбила новую хозяйку. Ася отказывалась привыкать к мачехе. В семье Адамовых началась скрытая холодная война. Доктор применил свой излюбленный прием: окунулся в работу и романтические отношения с молоденькими сестричками. Конечно, он симпатизировал Лейле Садыковой, свежей, как весенний бутон, и покорной, как настоящая восточная женщина.

И вот, к чему это привело! Лейла мертва, а ему грозит обвинение в убийстве...

Глава 7

Ева с трудом дождалась утра. Ей казалось, что она глаз не сомкнула, пока за окнами не начало светать. Телефонные звонки измотали ее. Если это был актер, то почему он молчал? Продолжал пугать ее? Он намекал на возвращение с того света... избитый прием из телевизионных «ужастиков», но тем не менее он сработал. Еве стало жутко.

Где Славка? Он пришел или еще нет?

Она встала, и только сейчас заметила, что спала в одежде. Конечно, она время от времени проваливалась в дремоту, которая приглушала ее страхи. Где же Смирнов?

Ева прошлась по квартире, везде было пусто. Значит, он еще не появлялся. Она занялась привычными вещами: поставила чайник, приняла душ, включила фен, стала сушить волосы. Звук открываемого замка на входных дверях привел ее в панику, сердце забилося, ладони вспотели. Она была близка к тому, чтобы применить газовый баллончик, который носила в сумочке, даже достала его...

– Что с тобой? – удивленно воскликнул небритый, уставший Смирнов. – Я думал, ты еще спишь. Шесть утра! Дай мне баллончик, а то еще нажмешь ненароком. Что случилось?

Ева без сил опустилась на пуфик в прихожей и заплакала.

– Где ты был? – спросила она сквозь слезы.

– В клинике пластической хирургии. Ты не веришь?

– Я чуть с ума не сошла от страха. Кто-то звонит и молчит в трубку!

Про Кристофера Марло она предпочла пока не говорить.

– Бывает, – сказал сыщик, раздеваясь. – Связь плохая, абонент не может соединиться. Или дети балуются. А нервные дамочки вроде тебя психуют без причины. Идем пить чай.

Он обнял Еву за талию и повел в кухню. Она вяло подчинилась. За чаем Славка поделился с ней ночными приключениями. Он рассказал, как спрятался в кладовке и подслушал болтовню сотрудниц.

– Представляешь, на самом интересном месте меня угораздило свалить какой-то карниз, и женщины убежали. Они приняли меня за маньяка!

Он смеялся, а Ева пыталась съесть конфету. Шоколад всегда ее успокаивал.

– Почему ты решил, что то были сотрудницы?

– А кто же? Пациентки? Одна из дам прекрасно знала, что замок, который они пробовали открыть, заедает. Я почти уверен, это были дежурные сестрички.

– Зачем же им бродить ночью по коридору? – спросила Ева.

Всеслав потер затылок: бессонная ночь, блуждания по городу и напряженные раздумья давали о себе знать. Голова раскалывалась.

– Наверное, они собирались либо что-то спрятать в той комнате, либо... взять. Я им помешал, они – мне. Пришлось вместо повторения действий убийцы уносить ноги поскорее! Я спустился в подвал и вылез через окошко.

– А что, подвал был открыт?

– Изнутри клиники – да! Не такой подвал, как в обычных домах, а специально оборудованное помещение. Там у них прачечная, еще какие-то хозяйственные дела... На окнах, правда, решетки, но они едва держатся. Я без труда открыл окно, выставил решетку, вылез и вернул все в прежнее состояние. С одной стороны, медучреждение не банк, не магазин, воровать там особо нечего, а с другой – беспечность удивительная. Хотя, Семенов прав, в клинике всегда люди, она практически не закрывается, так что излишне усердствовать с сигнализацией и охраной не стоит.

– Кто такой Семенов? – поинтересовалась Ева.

– Главный врач. Нормальный мужик, считает убийство Садыковой делом рук постороннего. Конечно, если вдруг окажется, что Лейлу прикончил кто-то из своих, на клинику ляжет несмываемое пятно. Пойдут слухи...

– Слухи уже ходят вовсю, можешь не сомневаться! Газеты вон пестрят скандальными заголовками. А что ты сам думаешь?

Смирнов подлил себе горячего чая, взял бутерброд.

– Черт его знает! – сердито произнес он. – Кстати, вчера утром, до того, как отправиться в клинику, я зашел к своему осведомителю, прокачать полицейскую информацию, и он меня ошарашил. Оказывается, убийство Садыковой – не первое подобного рода. Более ранний случай произошел в Подмоскowie, и журналисты пока не успели их связать друг с другом. Криминалисты тоже. Оба убийства расследуются по отдельности.

– А ты уверен, что они связаны?

Сыщик пожал плечами.

– Они похожи! Убита молодая женщина, ее муж занимается фармацевтическим бизнесом: аптеки и прочее. У трупа вырезана печень.

Ева неловко дернулась и пролила чай.

– Джек-потрошитель... – с ужасом прошептала она. – Вернулся!

– Что-что? Ты в своем уме? – усмехнулся Всеслав. – Я не первый раз слышу от тебя сие славное имя. То ты называла Потрошителем хирурга Адамова, то...

– А вдруг, это он? – перебила Ева.

Ее щеки загорелись лихорадочным румянцем.

– Кто? Адамов? Помилуй, дорогая... Потрошитель орудовал в девятнадцатом веке, если я не ошибаюсь, в Англии. Ты посмотри на календарь! Какой нынче год? И за окнами город Москва, а не лондонские трущобы. На тебя плохо влияет посещение нового театра. Что они там делают со зрителями? Ты просто сама не своя!

Ева вся дрожала, есть и пить ей расхотелось. Слова Смирнова о театре погрузили ее в оцепенение. Он интуитивно угадал причину ее страха, значит, в этом есть некая неосознаваемая угроза.

– Я очень испугалась вечером телефонных звонков, – пробормотала она. – Я подумала, что они как-то связаны с театром. Глупо, да? Понимаешь, там все актеры выступают под псевдонимами. Они взяли себе английские имена!

Сыщик озабоченно уставился на нее. Вид Евы вызывал беспокойство – тусклый взгляд, красные пятна на скулах... она даже осунулась за эти сутки.

– Тебе нужно выспаться, – сказал он. – Отмени сегодняшние уроки испанского, ляг и отдохни.

– Нет! – нервно возразила она, прикладывая руку к груди. – Я не смогу уснуть. У меня здесь болит. И голова как чугунная. Ты ведь не останешься со мной?

– У меня дел невпроворот, – виновато вздохнул Всеслав. – Но я постараюсь прийти пораньше.

Он пожалел, что не вернулся домой сразу, как только выбрался из клиники. Ему захотелось посмотреть, где живут Адамовы, и представился удобный случай – ночью в Москве нет пробок, ехать вольготно, а сон уже все равно пропал. Поэтому Смирнов забрал машину со стоянки и поехал по указанному хирургом адресу. Дом оказался не так далеко от клиники, в уютном переулке, засаженном молодыми деревьями.

Сыщик заглушил мотор, и стал подсчитывать, где примерно находятся окна Адамовых. В доме было девять этажей, в нескольких окнах горел свет. Кому-то всегда не спится...

«Отсюда до клиники можно за полчаса дойти пешком, – подумал он. – Завтра же проверю алиби Кристины. Могла она дать падчерице снотворного, выйти поздно вечером из дому, убить Садыкову и вернуться? В принципе могла».

– У меня есть подозреваемая! – заявил Всеслав, чтобы отвлечь Еву от навязчивых мыслей про Потрошителя. – Жена Адамова! Она тоже хирург, скальпелем пользоваться умеет, внутреннее расположение помещений ей хорошо известно. И то, что Садыкова и Лев Назарович той ночью вместе дежурили, она наверняка знала. Так что Кристина убила сразу двух зайцев – и Лейле отомстила, и неверному супругу. Девушка мертва, а доктору реально грозит тюрьма. Ловко?

– Ага...

– Убийство в Подмоскowie – совпадение! – весело заключил он. – Надо разузнать подробности. Возможно, все окажется не так уж мрачно.

Ева не поделила его наигранной радости.

– Я познакомилась с одним актером, – через силу выдавила она. – Из театра «Неоглобус». «Могла бы не уточнять, и так понятно», – подумал Смирнов, напрягаясь.

– Он играл в «Прекрасной злодейке». Мы познакомились в театральном буфете. Он молод, хорош собой, – безжалостно продолжала Ева. – И мимолетно увлек меня.

Когда-то, на заре их со Славкой отношений, они договорились, что всегда, при любых обстоятельствах будут предельно откровенны друг с другом. Ева честно выполняла договор. Смирнов же чувствовал себя как на раскаленной сковороде. Лучше бы она выразила это как-то иначе! Но сцена объяснения разворачивалась по собственным законам.

– Ты совсем меня забросил, – сказала Ева. – Целыми днями работаешь! Я не требую многого... Разве мы живем не для любви?

«Она права, – подумал сыщик. – Я уделяю ей мало времени».

– Постараюсь исправиться, – он виновато опустил голову. – Ты говорила об актере?

– Да. Его псевдоним Кристофер Марло. Мы обменялись телефонами, но я уже жалею, что дала ему свой номер. Видишь ли, он очень странный!

– Он уже звонил тебе?

Ева кивнула:

– Этой ночью. Я не спала, мне было страшно, и его звонок сначала меня обрадовал.

– А потом?

Она волновалась, перескакивала с одного на другое.

– Вчера днем мы случайно встретились возле театра. У меня в памяти все перепуталось! В общем, он заявил, будто его скоро... что он должен умереть. Понимаешь, в спектакле про Марию Шотландскую он играет Генри Дарнли, которого убивают, и...

– Ева! Ты забыла, что имеешь дело с артистом, – перебил ее Всеслав. – Ради бога, успокойся. Он просто прикидывался, дразнил тебя! Небось, наболтал разной чепухи, а ты и поверила.

Она подняла растерянные, несчастные глаза.

– Ты думаешь? По телефону он сказал, что шпионит за мной и что он... тайный агент королевы Елизаветы.

Смирнов не выдержал и прыснул со смеху, несмотря на серьезность разговора.

– Королева Елизавета? – хихикая, переспросил он. – Это кто?

– Знаменитая монархиня, правившая в Англии в шестнадцатом веке, дочь Генриха VIII и Анны Болейн. Тебе надо побольше читать!

Смирнову стало не до смеха. С Евой творилось что-то странное.

– Весна – опасное время, – осторожно начал он. – Таяние снега, мрачная сырость, грязь, лужи производят удручающее впечатление на чувствительные натуры. Дневное тепло обманчиво, можно легко простудиться. Ты случайно не заболела?

Ева с трудом удержалась, чтобы не запустить в него бутербродом. Тем более аппетит у нее пропал совершенно.

– Зря я тебе все рассказала, – со слезами на глазах прошептала она. – Ты...

Ева вскочила и выбежала из кухни. Сыщик остался сидеть, пребывая в полном недоумении. Какая муха ее укусила? Он что, должен был поверить в шпиона королевы Елизаветы? Это перебор! Мальчишка-актер заморочил Еве голову, она забыла, с кем имеет дело.

И тут Смирнову на ум пришли смутные воспоминания. Когда-то он что-то читал про секретные службы. Кажется, именно при Елизавете Английской, которая вынуждена была защищать страну от испанского вторжения, а трон – от посягавшей на власть католички Марии Стюарт, существовала разветвленная сеть шпионов. Но...

– Боже! – пробормотал он. – Ева кого угодно сведет с ума. На нее весна действует, дурацкие рассказы влюбленного парня, спектакли, которых она насмотрелась! У нее слишком сильное воображение. Хорошая порция скепсиса – отличное лекарство от подобных штук.

* * *

Часам к одиннадцати, когда ушел учитель математики и Ася освободилась, мачеха решила поговорить с ней. У девочки было весеннее обострение хронического бронхита, но, слава богу, без астматических признаков. Она стояла у окна, глядя, как с ясного неба падают пушистые снежинки. Спросила, обернувшись:

– Кристина, откуда берется этот снег? Волшебство!

Ася упорно не желала называть вторую жену отца мамой, и Кристина уже с этим смирилась. Пусть называет, как хочет.

– Такое бывает, – произнесла она. – Как ты себя чувствуешь, дорогая?

Дочь Адамова поморщилась. Лицемерие Кристины выводило ее из себя.

– Нормально. Кашляю. Но уже меньше, – пробурчала девочка. – Не называй меня «дорогой», пожалуйста, я же просила. Ты меня не любишь. Зачем притворяться?

Кристина поджала губы, промолчала. «Несносная девица, – подумала она. – Я с ней вожусь, лечу, занимаюсь ее учебой, таскаюсь по санаториям – и никакой благодарности! Словно бы я обязана!»

Ася с неприязненной улыбкой подошла к своему дивану, села, сложив руки на угловатых коленях.

– Я ведь некрасивая? – вызывающе спросила она. – Да, Кристина? Мальчишки не обращают на меня внимания. И еще этот кашель... Ну, скажи правду! Разве не ты говорила, что обманывать нехорошо?

«Некрасивая и наглая, – подумала мачеха. – Влепить бы тебе подзатыльник!»

– Ты перерастешь, – вслух сказала она с нотками фальшивой доброжелательности в голосе. – Все наладится. Похорощеешь, выздоровеешь.

– Врешь, как всегда, – вздохнула Ася. – У меня папа красивый, и мама была красивая. Почему я такая уродина?

– Ты не уродина, ты...

– Зачем папа женился на тебе? – не слушая, безжалостно продолжала девочка. – Нам прекрасно жилось втроем – я, он и Анфиса Карповна. Ты вышла за папу из-за денег?

– Прекрати! Как ты смеешь? – вспыхнула Кристина.

Ася скривилась, передернула худыми плечами, зло уставилась на мачеху.

– Скажи еще, что ты его любишь! Слышать этого не могу... Мама с папой тоже любили друг друга, а потом мама хотела выпрыгнуть с балкона!

У Кристины пересохло в горле, кровь отхлынула от лица. Девочка сообразила, что сболтнула не то, – замолчала, насупившись.

– Асенька, о чем ты?

Но та уже замкнулась, рассердилась на себя и на весь белый свет.

– Ни о чем! Куда ты ходишь по ночам? – спросила она Кристину. – Думаешь, я сплю и ничего не вижу?

– По ночам все спят, особенно больные дети!

Адамова знала, как больнее уколоть Асю. Та покраснела, закашлялась.

– Я не ребенок! Я все расскажу папе! Когда он дежурит...

– Ну, хватит, – холодно сказала Кристина. – Довольно детских фантазий. Может быть, нам стоит обратиться к психиатру? У тебя слишком много странностей, дорогая. В твоём возрасте это связано с гормональным расстройством. Ничего, мы справимся. Сейчас столько отличных лекарств!

Разговора опять не получилось. Мачеха повернулась и резко вышла из комнаты Аси, хлопнув дверью. Девчонка и святого доведет до нервного срыва! Однако что она там говорила про свою мать? Та собиралась выпрыгнуть с балкона? Что-то новенькое!

Адамова позвонила мужу на мобильный. Он не отвечал: наверное, отключил телефон. Они с утра немного повздорили, и Лев Назарович отправился в сауну, снимать стресс. Кристина осталась дома с Асей.

– Он себе развлекается, – прошептала она. – А я как на привязи. Сижу, караулю его милую дочурку, которая если бы могла, давно выставила бы меня за дверь.

Злость на супруга и на свою неудавшуюся судьбу вдруг с небывалой силой проснулась в Кристине. Лева превратил ее в гувернантку для Аси! «Мои девочки!» Чего стоит одно это обращение! Он совершенно не интересуется, чего же хочется ей, жене. Даже подарки на праздники и дни рождения выбирает дорогие, но самые обыкновенные, без души, без изюминки, золотое украшение или французские духи, букет роз – вот и весь нехитрый перечень. Когда-то Кристину страшно обрадовал преподнесенный доктором еще в качестве жениха, набор из белого золота – серьги с крошечными бриллиантовыми звездочками и тонкое колечко с таким же камешком. Но те времена миновали.

Она уже забыла, какой роскошью для нее, вчерашней студентки, казались поездка на такси или ужин в ресторане, как она боготворила, обожала Адамова – блистательного хирурга и обаятельного мужчину. Как она... Да что вспоминать?! К достатку привыкаешь быстро, а жизнь одними деньгами не измеришь.

Впервые за годы брака Кристина задумалась: а любил ли Лева свою первую супругу, Елену? До сих пор она была уверена, что покойная соперница в этом смысле оказалась счастливее, но после вырвавшихся у Аси слов появились сомнения.

О том, что Адамов вдовец, знали все сотрудники клиники, а как, отчего умерла Елена, точно никто сказать не мог. Болтали разное, путались в предположениях, и только. Слухи загудели, подобно потревоженному осиному рою, после шумевшего убийства медсестры Садыковой. Еще бы!

Звук открывающейся двери застал Кристину врасплох. Неужели вернулся Лева? Почему так рано? Она по привычке глянула в зеркало – все ли в порядке с лицом, прической? – и поспешила в холл.

Адамов сбросил туфли и, как был, в легкой куртке и брюках развалился в кресле. Его лицо поражало синеватой бледностью.

– Что случилось? – непослушными губами спросила она. – Ты не пошел в сауну?

Доктор приоткрыл глаза и судорожно вздохнул.

– Мне стало плохо... – едва выговорил он. – Сердечный приступ. Я не мог вести машину, пришлось оставить ее на парковочной площадке. Заберешь?

– Конечно. Как же ты добирался домой?

– На такси.

– Они там что, «Скорую» не могли вызвать? – рассердилась Кристина. – А если...

Она хотела сказать: «А если у тебя инфаркт?». Но вовремя остановилась. С инфарктом Адамов вряд ли доехал бы до дома. Хотя... и не такое бывает.

Кристина приблизилась, наклонилась и взяла мужа за руку, проверить пульс. Он дернулся, протестуя отстранился.

Адамов с детства отличался железным здоровьем, и случившееся недомогание сокрушило его. Часто болеющие люди привыкают к этому состоянию – оно не выбивает их из колеи, как беззаботных здоровяков.

– Дай мне что-нибудь сердечное, – попросил Лев Назарович жену. – У нас есть?

Ее участливый вид раздражал его, как с некоторых пор раздражало в ней все. Когда это началось? Пожалуй, около года назад. После операции он отдыхал в зимнем саду: пахло свежеполитой землей, экзотическими растениями; от приятной усталости чуть кружилась голова. В сад вошла Лейла... и доктор явственно ощутил, *что* вдохновляло восточных поэтов на столь проникновенные, сладостные стихотворные строки. Она была словно тонкий, свежий полевой цветок среди приевшихся городских растений. Его глаза встретились с ее глазами пугливой горной серны...

– Лева, ты меня слышишь? – сквозь туман долетели до него встревоженные возгласы жены. – Очнись! Да что же это, господи?!

Кристина опустилась возле кресла на корточки, держа в руке рюмку с лекарством. В квартире была целая аптека, предназначавшаяся для Анфисы Карповны и Аси. Кристина принимала только болеутоляющие, изредка – успокоительные таблетки. Ей с трудом удалось найти среди огромного количества бутылочек, баночек, тюбиков и коробочек сердечные капли.

– Выпей, – обрадовалась она, когда Адамов пришел в себя. – Вызвать врача?

Кристине не пришло в голову, что сами они оба – врачи. Лев Назарович криво улыбнулся. Вкус капель напомнил ему бабушку, которая частенько хворала и все болезни лечила пустырником и мятой.

– Хорошо... – ни к кому не обращаясь, прошептал он.

– Как, Лева? Полегче?

Адамов кивнул, чтобы жена оставила его в покое. Сердечный приступ подсказал ему, что тело смертно, и что он, доктор Адамов, ничем не отличается от других людей. Кстати, прекрасный выход из сложившегося тупика: ничего не надо бояться, ни суда, ни тюрьмы... «А будет ли суд божий?» – пришел ему в голову тревожный вопрос, но почти сразу и отступил, растворился в тумане забытья.

Глава 8

Ева все же решила купить себе что-нибудь новенькое – костюмчик в обтяжку, бусы из яшмы или янтаря, шейный платок с замысловатым рисунком: авось, настроение улучшится. Утренний разговор со Славкой разбередил ей душу. Какого черта она с ним разоткровенничалась? Да еще упомянула о Кристофере? Мужчины такие ревнивцы – сами забывают оказывать женщинам внимание, а потом их же и обвиняют в неверности. Ева уже пережила подобное, повторение казалось невозможным. А вот и первый сигнал тревоги! Что-то же потянуло ее к молодому актеру, совсем еще мальчику?

«Наверное, я хотела доказать Смирнову, что заслуживаю любви и могу заинтересовать другого, весьма привлекательного мужчину, – сказала себе она. – После тридцати ухаживание мужчин становится для женщины чем-то вроде допинга».

Продавица в просторном отделе женской одежды заметила задумчивую посетительницу.

– Ваши размеры вон там, – показала она рукой в противоположную сторону. – Идемте, я вам помогу.

Они выбрали пару моделей, и Ева закрылась в примерочной. Посмотрела на себя в зеркало: красивая, зрелая, умудренная жизнью дама. Можно понять мальчика Кристофера. А себя? Зачем ей пустая, не имеющая будущего интрижка?

– Ничего не было, – прошептала Ева, раздеваясь. – И не будет!

Бирюзовый костюм с нежно-розовыми разводами пришелся ей впору: свободные брюки и блузка, украшенная пышными воланами. Смирнов будет в шоке. Если он критиковал ее зеленый наряд, то что скажет об этом?! Ева, удовлетворенно хихикая, расплатилась, взяла пакет с обновкой и пошла вдоль празднично сияющих витрин парфюмерных и ювелирных отделов. Может, побаловать себя еще чем-нибудь? Мысль так и не успела оформиться, а счастливая обладательница бирюзового костюма вышла из магазина на улицу, в грязь и холод ранневесеннего полдня.

Снег потемнел и съезжился. Там, где его не успели убрать, он черными пластами лежал по бокам дорог и тротуаров. Бледное, чистое с утра небо покрывалось унылыми серыми облаками. Пахло талой водой, сыростью.

Еве захотелось вдруг оказаться в том «заколдованном» месте, куда водил ее актер. Одна, в здравом рассудке, не очарованная его словами и жестами, она сумеет разобраться – какую цель он преследовал? Напустить романтической дымки, показаться необыкновенным или... задурить ей голову всякими бреднями? Богема живет по другим правилам. То, что так называемый Кристофер Марло может оказаться не совсем нормальным, Ева загнала подальше, на задворки ума. Это было бы обидно!

Она не стала спускаться в подземку, не полезла в переполненный троллейбус. Разве не приятно пройтись, подышать воздухом весны? Природа неохотно, медленно просыпалась, сбрасывала зимнюю дремотную тяжесть, расправляла изголодавшиеся по теплу легкие, начала дышать по-другому, тянуть к небу мокрые черные ветки деревьев, усыпанные скользкими почками.

Ева долго бродила, прежде чем нашла тот глухой каменный тупичок с облезлыми стенами старых домов, с утонувшим в глубине одной из них мутным зарешеченным окошком, чуть ли не носом прильнула к грязному стеклу. Нельзя было разглядеть, что там внутри. Снег здесь, в закоулке, был посвежее, чем на улице, но тоже затвердевший, серый.

Еще в углу, в тени Ева заметила маленькую железную дверцу, ржавую, запертую, вероятно, еще век тому назад. Актер ее не показывал. Это не входило в сценарий, которому он следовал. Или он о ней вовсе не знал.

– И что мне тогда показалось? – прошептала Ева. – Как Крис называл это место? Точка пересечения времен? Какая чушь!

Прошлые страхи показались ей смешными. Тупичок поражал заброшенностью, он не вписывался в общую картину этой части города, но ничего мистического или зловещего Ева в нем не нашла. Обыкновенные стены, каменная кладка, с которой давным-давно обсыпалась штукатурка, жалкие, цепляющиеся за основания фундаментов голые кусты, черные тени по углам.

Внезапно сумрак сгустился, и Ева догадалась, что солнце спряталось, зашло за тучку. В тот же миг она ощутила ползущий по спине холодок – будто бы нечто дьявольское посмотрело на нее из темноты желтыми, хищными глазами. Тело отозвалось болезненной слабостью, ноги стали ватными.

Ева бросилась прочь, на улицу, к людям. Она поскользнулась и чуть не упала. Прохожие подозрительно косились на нее, обходили стороной. Пьяная, что ли? Две девушки, оживленно болтавшие, замолчали и замедлили шаг.

– Вам плохо? – спросила одна из них, сочувственно глядя на Еву.

Та выдавила из себя улыбку.

– Уже лучше... Сейчас все пройдет.

Девушки прошли мимо, оглядываясь. Вид Евы внушал им опасения.

– Беременная, наверное, – предположила вторая девушка. – Вон как побледнела!

Они еще раз оглянулись и вернулись к своему разговору. В конце концов, вокруг полно людей, помогут.

Отдышавшись, Ева неверной походкой направилась к той кондитерской, где молодой человек угощал ее пирожками. На полпути она передумала и повернула к метро. Неподалеку от станции в районной библиотеке работала ее знакомая. Ева толком не осознавала, зачем ей идти в библиотеку, но прислушалась к внутреннему голосу.

– Лариса Крапивина есть? – запыхавшись от быстрой ходьбы, спросила она у пожилой гардеробщицы.

– Есть. Она в читальном зале сегодня. Номерок давать?

Ева кивнула, сняла полупальто, подала вместе с пакетом и сумкой. Прошла по коридору в читальный зал. Запах книжной пыли щекотал ей нос, хотелось чихнуть. Лариса сидела за столом, кутаясь в пуховой платок, скучала.

– Ева! – обрадовалась она. – Какими судьбами? Просто так зашла или по делу?

– Сама не знаю.

– Чаю хочешь?

– Нет. Меня интересует история театра... – нерешительно произнесла Ева. – Или Шекспир. В общем, Англия во время правления Елизаветы I. Поможешь?

– А что конкретно? У нас есть кое-какая литература, но желательно сузить круг поиска. Ты торопишься?

– Не очень. Ларочка, найди мне, пожалуйста, материалы о... лорде Уолсингеме! – выпалила Ева то, что пришло ей в голову.

Крапивина отправилась за книгами, а гостья уселась за стол у окна, задумалась. При чем тут Уолсингем? Ну, ладно, посмотрим.

Знакомая вернулась в зал через десять минут, принесла пару увесистых томов с закладками.

– Вот, я даже заложила, в целях экономии времени. Потом поболтаем?

– Ага...

Ева принялась жадно листать пожелтевшие страницы. Чем больше она читала, тем сильнее росло ее удивление.

Сэр Фрэнсис Уолсингем был не кем иным, как начальником секретной службы королевы Елизаветы! Имя Кристофера Марло, отнюдь не вымышленное, тоже фигурировало в интригах этого ловкого придворного. Если верить написанному, то Марло состоял в секретных агентах Уолсингема и ездил курьером на континент. Наряду с этим опасным занятием молодой человек отличался ярким талантом драматурга и за несколько лет написал полдюжины пьес.

Но не это поразило Еву. Она нашла еще несколько знакомых имен: Элеонора Буль, Николас Скирс, Роберт Поули... Упоминалась и деревушка Дептфорд, в гостинице которой при невыясненных обстоятельствах *был убит* многообещающий писатель и тайный агент Кристофер Марло. По официальной версии, внезапная кончина молодого человека наступила вследствие пьяной драки. Некий Фрайзер, мошенник и аферист, якобы повздорил с Марло из-за счета за ужин. Они сцепились, Кристофер получил удар кинжалом в лоб над правым глазом и рухнул мертвым на грязный каменный пол.

Ева пришла в замешательство. Выходит, актер ничего не придумывал, и, судя по историческим данным, его вскорости на самом деле ждала гибель. Но! Нынче не конец шестнадцатого века, а начало двадцать первого; Россия не Англия, а Дептфорд – не Москва. Все кануло в Лету! И Кристофер Марло на проверку окажется каким-нибудь Колей Сидоровым, большим оригиналом, любителем веселых розыгрышей.

Ева захлопнула книгу и невидящим взглядом уставилась в окно. Прочитанное не давало ей покоя. Как сказал ей по телефону актер? «Иногда с того света возвращаются!» Что-то подобное. Неужели...

– Не может быть! – прошептала она одними губами. – Такого не бывает! Это немыслимо. Английский шпион из шестнадцатого века, Джек-потрошитель... Нашествие призраков, что ли?

Тень покойного любовника Дениса Матвеева возникла перед ней из небытия... он кивал головой и смеялся. Бедная, бедная Ева, все такая же наивная, доверчивая! Ты снова стала жертвой обмана?!

Так и с ума сойти недолго. Ева закрыла глаза, прогнала жуткое видение. «Всему должно быть объяснение», – любил повторять Славка. Он никогда бы не поддался на подобную уловку.

«Ошибка лорда Уолсингема!» – осенило ее. Ну конечно! Новый спектакль театра «Неоглобус». Как она сразу не догадалась? Молодой актер просто репетировал пьесу, после того, что она прочитала, в этом нет сомнений. И секретная служба королевы Елизаветы, и убийство тайного агента, и хозяйка дерптской гостиницы Элеонора Буль – все это есть в спектакле, премьеры которого скоро состоится.

– Какая же я дуручка, – с облегчением вздохнула Ева. – Едва не помешалась на почве собственных домыслов. Весна, капель, дыхание просыпающейся природы, молодой красивый мужчина... Я просто заболела! Смирнов, как всегда, оказался прав.

– Нашла то, что тебе нужно? – спросила Лариса.

– Да, спасибо.

Ева отдала книги, они с приятельницей немного поболтали.

– Ты все так же преподаешь испанский? – спросила Крапивина, провожая ее в гардеробную.

– Ой! Мне же пора бежать! – спохватилась Ева. – Я опаздываю! Придется ловить такси. Она вылетела из библиотеки, на ходу натягивая полупальто.

«Интересно, чья это идея – взять псевдонимы, соответствующие именам персонажей пьесы? – подумала Ева, уже сидя в машине. – Как будто не существует ролей, а каждый играет сам себя?»

* * *

Доктор Адамов выпил лекарств и уснул. Звонок сыщика разбудил его.

– Мне необходимо поговорить с вашей дочерью, – сказал Смирнов. – Когда это будет удобно?

Лев Назарович спросонья не сообразил, о чем идет речь. Боль в груди, утихшая во время сна, возобновилась. Она была не острой, а ноющей.

– Что? – спросил хирург, прижимая руку к сердцу.

– Могу я поговорить с Асей?

– Зачем? – всполошился Адамов. – Не втягивайте в расследование ребенка! Ася эмоциональная, впечатлительная девочка, у нее слабое здоровье. Я не позволю вам нервировать ее!

– Я буду осторожен, – настаивал на своем сыщик. – Просто задам ей несколько вопросов.

– Задайте их мне, если уж вы не можете без этого обойтись! Я знаю все, что касается моей дочери!

– Вы не волнуйтесь, Лев Назарович...

– Оставьте Асю в покое! – перебил Адамов. – Ребенок здесь ни при чем!

– Какой же она ребенок? Ей четырнадцать лет! – не сдавался Всеслав.

Они препирались минут десять, после чего сыщик решил уступить. «Ладно, – подумал он. – Узнаю, в какую школу ходит девочка, побеседую с ней по дороге».

– А с вашей женой можно поговорить?

– С Кристиной? Сколько угодно.

Адамов прислушивался к растекающейся в груди боли, слова Смирнова доходили до него как бы издалека. Может, все же обратиться к кардиологам?

Перспектива самому оказаться в руках эскулапов отчего-то его не радовала. Черт с ним, само пройдет! Боли явно невротического характера, они – следствие переживаемого им стресса. Уладятся неприятности, уйдет и болезнь.

Адамов тяжело вздохнул, закрыл глаза. Боже, до чего он дошел! Посторонние люди, следователи, сыщики, копаются в его личной жизни, вытаскивают на свет божий интимные подробности, сплетни, слухи, обсуждают их с другими. Мог ли он подумать?!

Пока доктор стонал и ворочался на своей кровати, Смирнов ехал в клинику пластической хирургии. Не мешало бы выяснить, чьи голоса он слышал ночью, прячась в подсобке. Скорее всего, это были дежурные сестрички.

Главный врач охотно пришел ему на помощь и сообщил фамилии всех сотрудниц, оставшихся на ночь, – их было четверо: докторша, две медсестры и санитарка.

– Ночью у нас было происшествие, – доверительно поведал он Всеславу. – Девушки запуганы, боятся собственной тени. Им показалось, что по коридору бродит маньяк! Хорошо, хоть крик не подняли, не разбудили пациентов!

– Вы обыскали помещение? – невинно поинтересовался сыщик.

– Конечно! Только никого не нашли, кроме несчастного полудохлого котенка. Медсестра Терехина подобрала его на улице и тайком притащила сюда. У нас это строжайше запрещено! Она жалостливая, видите ли! Решила спасти умирающее от голода и холода животное. Но домой почему-то не понесла, а спрятала котенка в одной из кладовок. Он так ослабел, что даже мяукать не мог, вот все и проморгали. Безобразие! Посреди ночи девицы заскучали, отправились поглядеть, жив их подопечный или нет, что-то треснуло, стукнуло... ну и паника обеспечена. Такой переполох устроили, мама родная! Убийца им померещился!

Смирнову все стало ясно. Именно голоса Терехиной и второй дежурной сестры он слышал, когда девушки пытались открыть замок.

– Могу я побеседовать с ними? – спросил он Семенова.

– Ради бога! А вы что, полагаете, в коридоре действительно кто-то прятался?

От такого предположения гладкое, полное лицо и несколько подбородков главврача покрылись красными пятнами.

– Все возможно.

– Допросите как следует этих вертихвосток! – рассвирепел Семенов. – Развели тут... бардак! Я им покажу!

Поскольку злиться больше было не на кого, все негодование он излил в адрес дежурных сестер. Сыщик не вмешивался. Когда поток угроз и ругани иссяк, главный врач объяснил, что поговорить с нерадивыми сотрудницами раньше завтрашнего дня не удастся, – они отсыплются после ночи.

Еще полчаса Семенов жаловался на дичайшие слухи, которые гуляют по клинике и обрывают жуткими подробностями, как снежный ком.

– Одни болтают, что среди нас завелся маньяк, – прошептал он, оглядываясь на дверь. – А другие... мне даже повторять неловко... выдумали, будто Садыкову зарезала Кристина Адамова! Из ревности! И что она перережет всех, кто строит глазки ее мужу!

Во взгляде главврача мелькал неподдельный ужас, его пухлые руки дрожали.

– Моя секретарша Майя чуть ли не личную охрану себе требует, – продолжал он. – Боится ходить на работу. Якобы, следующей маньяк собирается убить ее! Вы слышали где-нибудь подобный бред?!

Смирнов с трудом сохранял невозмутимое выражение лица. Майя Орлова и тетя Поля его не подвели! Слухи расползлись быстрее, чем он рассчитывал. Посмотрим, что это даст.

Из клиники сыщик позвонил жене Адамова и договорился о встрече. У него теперь отличный предлог для разговора – сплетни. Крестину подозревают в убийстве! А это уже не шутки.

Адамова согласилась прийти в кафе «Волна» на набережной. Раз надо... Через час она будет ждать Всеслава у входа.

Он позвонил Еве, но она не ответила. Наверное, бродит по магазинам или ведет занятие. Что ж, пусть развеется. Приобретение пары модных платьев, туфель, сумочки и прочих весенних обновок рассеет мрачные фантазии.

Сыщик поехал к месту встречи. Он предпочитал беседовать с дамами в слегка романтической обстановке. Кафе «Волна» было оборудовано под кают-компанию старинного парусного судна – с картинами морских баталий на стенах и привинченными к столам медными светильниками. Кухня отличалась изобилием рыбных блюд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.